

ПЭМ
ДЖЕНОФФ

A woman with long blonde hair, wearing a dark beret and a light-colored trench coat, is seen from behind. She is looking out over a cityscape with buildings and a river. The scene is in a sepia or muted color palette.

ДЕВУШКА С ГОЛУБОЙ ЗВЕЗДОЙ

Пэм Дженофф

Девушка с голубой звездой

Серия «Звезды зарубежной прозы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67478952

Девушка с голубой звездой: [роман] / Пэм Дженофф: АСТ; Москва;

2022

ISBN 978-5-17-147330-3

Аннотация

1942 год, Краков. Сэди и ее родители ютятся в гетто, все еще надеясь, что их минует страшная участь, которую уготовили таким, как они. С приходом немецких оккупантов каждый день оборачивается для них испытанием, напряженной борьбой за выживание. Но когда нацисты учиняют очередную кровавую расправу над еврейским населением, становится очевидно: укрыться от нарастающего произвола и жестокости уже невозможно.

Сэди и ее беременной матери приходится искать убежища в туннелях под городом, в мрачных сырых катакомбах.

Однажды девушка наблюдает через канализационную решетку за суетной жизнью города, который будто и не заметил их отсутствия, и видит свою ровесницу, покупающую цветы. Элла – полька, которая ведет привычную ей жизнь так, словно

мир и не охвачен войной. Почувствовав на себе взгляд, она, приглядевшись, различает Сэди во мраке «подземелья».

Элла сразу понимает, что перед ней та, кому в нынешней ситуации безопаснее находиться в тени. Она начинает помогать Сэди, и постепенно девушки сближаются, но, к сожалению, в сложившихся обстоятельствах эта дружба может стоить каждой из них жизни...

Содержание

Пролог	6
1	11
2	24
3	38
4	59
5	76
6	94
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Пэм Дженофф

Девушка с голубой звездой

Моему еврейскому местечку... Мы увидимся

Пролог

Краков, Польша

Июнь 2016 года

Женщина передо мной – совсем не та, кого я ожидала увидеть.

Десять минут назад я стояла перед зеркалом гостиничного номера, смахивая пылинки с манжеты бледно-голубой блузки и поправляя серьгу с жемчугом. Отвращение к себе все усиливалось. Я превратилась в типичную женщину чуть за семьдесят – коротко стриженные седые волосы и практичный брючный костюм, облегающий крепкую фигуру плотнее, чем год назад.

Я тронула букет на тумбочке – ярко-красные цветы завернуты в хрустящую коричневую бумагу. Затем подошла к окну. Отель «Венцль», перестроенный особняк шестнадцатого века, стоял на юго-западном углу Рынка – главной городской площади Кракова. Я намеренно выбрала это место, чтобы из комнаты открывался нужный вид. Площадь с ее загнутым южным углом походила на решето, где кипела жизнь. Тури-

сты толпились между костелами и сувенирными лавками в Сукеннице, массивном, продолговатом здании с торговыми рядами, делившем площадь пополам. Теплым июньским вечером на открытой веранде кафе собрались друзья пропустить стаканчик после работы, пока жители пригородов спешили домой со своими посылками, бросая взгляды на облака, темнеющие на юге, над Вавельским замком.

До этого я бывала в Кракове дважды, один раз сразу после падения коммунистического строя, а потом десять лет спустя, когда всерьез занялась поиском. Меня сразу же покорила скрытая жемчужина города. Несмотря на то, что туристические центры притяжения Праги и Берлина затмевали Старый город Кракова, он, с его нетронутыми соборами и каменными отреставрированными домами, казался самым элегантным во всей Европе.

С каждым моим приездом город сильно менялся, становился ярче, новее – «лучше» в глазах местных жителей, прошедших через годы лишений и застопорившегося прогресса. Некогда серые дома были выкрашены в яркие желтые и синие цвета, это превращало старые улицы в декорации к фильму. Местные жители также выглядели противоречиво: модно одетые молодые люди разговаривали на ходу по мобильным телефонам, не обращая внимания на деревенских жителей из горных районов, продававших разложенные на брезенте шерстяные свитера и овечий сыр, и замотанную в шаль *бабчу*, которая сидела на тротуаре и просила милосты-

ню. Под витриной магазина с рекламой интернет-пакетов и вай-фай голуби клевали твердый булыжник рыночной площади, как и века назад. Под всей этой современностью и лоском ярко сияла барочная архитектура Старого города, история, которую нельзя отрицать.

Но не история привела меня сюда – по крайней мере, не та история.

Когда трубач на башне Марицкого костела заиграл на Хейнале, возвещая о начале следующего часа, я изучала северо-западный угол площади, ожидая, что женщина снова появится в пять, как и каждый день до этого. Я ее не видела и сомневалась, вдруг она сегодня не придет, и в таком случае мое путешествие через полмира окажется напрасным. В первый день я хотела убедиться, что она тот самый человек. Во второй – хотела поговорить с ней, но слишком разволновалась. Завтра я улетаю домой в Америку. Это был мой последний шанс.

Наконец из-за угла аптеки появилась она, ловко зажав зонтик под мышкой. Она пересекла площадь с удивительной скоростью для женщины девяноста лет. С идеальной осанкой, высокая. Ее белые волосы были собраны на макушке, но пряди выбились и развевались, обрамляя лицо. В отличие от моей строгой одежды на ней была яркая юбка с красивым узором. Пока она шла, казалось, блестящая ткань сама танцевала вокруг ее лодыжек, и я почти слышала шелест.

Мне был известен ее маршрут, такой же, как и в преды-

душие два дня, когда я следила, как она идет в кафе «Ново-рольски» и просит столик подальше от площади, защищенный от шума и суеты высоким арочным входом в здание. В последний раз, когда я приезжала в Краков, я все еще искала. Теперь я знала, кто она и где ее найти. Единственное, что мне оставалось сделать – это собраться с духом и спуститься вниз.

Женщина села за свой обычный столик в углу, раскрыла газету. Она не знала, что мы сейчас встретимся, и даже не догадывалась о моем существовании.

Издалека донесся раскат грома. Затем упали первые капли, заливая булыжник темными слезами. Нужно спешить. Если уличное кафе закроется и женщина уйдет, все усилия будут напрасны. В голове пронеслись голоса моих детей, твердивших, что в моем возрасте слишком опасно путешествовать так далеко в одиночку, что ехать незачем и ничего нового я не узнаю. Я должна просто оставить эту затею и улететь домой. Это уже никому не важно.

За исключением меня – и *ее*. В своей голове я слышала ее голос таким, каким его представляла, он напоминал, зачем я приехала.

Собравшись с духом, я взяла цветы и вышла из номера. Я вышла на улицу и зашагала через площадь. И вдруг снова остановилась. Разум терзали сомнения. Зачем я проделала такой путь? Чего я ищу? Я упрямо шла вперед, не чувствуя, как крупные капли растекаются по волосам и одежде. Я до-

шла до кафе и стала пробираться между столиками и посетителями, оплачивающими счета, торопясь уйти, пока дождь не превратился в ливень. Когда я подошла к столу, женщина с белыми волосами оторвала взгляд от газеты. Ее глаза округлились.

Теперь, вблизи, я ясно вижу ее лицо. Я все вижу. Ошеломленная, я стою, не в силах пошевелиться.

Женщина передо мной – совсем не та, кого я ожидала увидеть.

1

Сэди

Краков, Польша

Март 1942 года

Все изменилось в тот день, когда они пришли за детьми.

Я должна была находиться на чердаке трехэтажного дома, в котором мы жили с десятком других семей в гетто. Каждое утро, до ухода на работу, мама помогала мне спрятаться там, оставляя с чистым ведром в качестве туалета и строгим предупреждением не уходить. Но в крошечном, холодном пространстве, где ни подвигаться, ни побегать, ни даже вытянуться во весь рост, я мерзла и сходила с ума от одиночества. Минуты тянулись в тишине, и только царапанье прерывало ее – невидимые дети на несколько лет младше меня сидели по ту сторону стены. Их держали поодиночке, ни побегать, ни поиграть. Однако они посылали друг другу сообщения, царапая и перестукиваясь, будто владея импровизи-

рованной азбукой Морзе. Иногда от скуки я тоже к ним присоединялась.

«Там свобода, где ты ее находишь», — часто на мои жалобы отвечал отец. У папы была привычка видеть мир именно таким, каким ему хотелось. «Наше сознание — величайшая тюрьма». Ему было легко так говорить. Хотя ручной труд в гетто и был далек от его довоенной профессии бухгалтера, но так он, по крайней мере, каждый день выходил на улицу и встречался с другими людьми. Не сидел, как я, взаперти. Я почти не покидала наш многоквартирный дом с тех пор, как полгода назад нас переселили из квартиры в Еврейском квартале недалеко от центра города в район Подгуже, где на южном берегу реки было создано гетто. Я мечтала о нормальной жизни, моей жизни, где за стенами гетто я свободно бегала по знакомым местам и считала это обычным делом. Я представляла, как еду в трамвае в магазины на *Главный Рынок* или в кино, как гуляю по древним заросшим холмам на окраине города. Мне хотелось, чтобы хотя бы моя лучшая подруга Стефания была среди тех, кто прятался поблизости. Но она жила в отдельной квартире в другой части гетто, предназначенной для семей еврейской полиции.

Однако на этот раз не одиночество или скука погнали меня из укрытия, а голод. Мне постоянно не хватало еды, а сегодня утренняя порция состояла из половины кусочка хлеба, даже меньше, чем обычно. Мама предложила мне свой кусок, но я знала, что ей нужны силы для очередного долгого

рабочего дня.

Пока тянулось утро на чердаке, пустой живот начал болеть. В сознании всплывали видения блюд, что мы ели до войны: густой грибной суп и кисловатый борщ, пироги, пухлые, сочные вареники моей бабушки. К полудню меня охватила такая слабость от голода, что я рискнула выйти из убежища и спуститься на первый этаж в общую кухню, где не было ничего, кроме одинокой кухонной плиты и раковины с сочащейся тепловатой коричневой водой. Я отправилась не за едой – даже если бы она была, я бы ни за что не стала красть. Скорее, мне хотелось проверить, не осталось ли крошек в шкафу, и залить желудок стаканом воды.

Я задержалась на кухне дольше обычного, читая потрепанную книгу – ее я принесла с собой. На чердаке было слишком темно – именно за это я больше всего его и ненавидела. Я всегда любила читать, и папа унес в гетто из нашей квартиры множество книг, сколько сумел, несмотря на возражения матери, что нам лучше набить сумку едой и одеждой. Именно отец привил мне любовь к учебе и поощрял мою мечту изучать медицину в Ягеллонском университете до того, как из-за немецких законов это стало невозможным: сначала не допустили евреев, а позже и вовсе закрыли университет. И даже в гетто, в конце долгого, тяжелого трудового дня папа с удовольствием учил меня и делился мыслями. Несколько дней назад он каким-то образом даже раздобыл для меня новую книгу – *«Граф Монте-Кристо»*. Но на чер-

даке было слишком темно, и я не могла читать, а вечером почти не оставалось времени – из-за комендантского часа и отбоя. *Еще чуточку*, сказала я себе, переворачивая страницу на кухне. Несколько минут ничего бы не решили.

Я только закончила облизывать грязный хлебный нож, когда услышала скрип тяжелых шин, за которым последовали лающие голоса. Я замерла, чуть не выронив книгу. Снаружи стояли СС и гестапо вместе с мерзкой Еврейской полицией, которая выполняла их приказы. Это был *актион*, внезапный, необъявленный арест больших групп евреев, которых вывозили из гетто в лагеря. В первую очередь именно поэтому я вынуждена прятаться. Я выбежала из кухни в коридор и поднялась по лестнице. Внизу послышался сильный грохот, разлетелась входная дверь и ворвалась полиция. Во время добежать до чердака я бы не смогла. И вместо этого я помчалась в нашу квартиру на третьем этаже. Сердце бешено колотилось, когда я отчаянно оглядывалась, мечтая о большом платяном шкафе или шкафчике, чтобы спрятаться в крошечной комнатке, почти пустой, если не считать стоящих в ней кровати и комода. Я знала, были и другие укрытия, вроде фальшивой стены, которую одна из семей соорудила в соседнем доме меньше недели назад. Но теперь было слишком поздно, не добраться. Мой взгляд остановился на большом квадратном чемодане рядом с родительской кроватью. Мама показала мне, как там спрятаться, сразу после того, как мы оказались в гетто. Мы тренировались, играя, мама

открывала чемодан, я забиралась, а потом она закрывала его.

Худшего тайника, чем чемодан, и представить нельзя, он стоял посреди комнаты у всех на виду. Но спрятаться было попросту негде. Я должна была попытаться. Я подбежала к кровати, забралась в него и с трудом закрыла. Я воздала хвалу небесам, что была такой же миниатюрной, как мама. Я всегда стыдилась своего маленького роста, из-за него я выглядела на два года младше. Теперь это казалось благословением, как и тот печальный факт, что я отошала за месяцы скудного питания в гетто. Я все еще умещалась в чемодане.

На наших тренировках мы предполагали, что мама накинёт одеяло или другую одежду поверх чемодана. Конечно, сама я этого сделать не могла. Поэтому чемодан остался незамаскированным и любой, кто вошел бы в комнату и открыл его, обнаружил бы меня. Я свернулась калачиком и обхватила себя руками, ощущая белую повязку с голубой звездой на рукаве, которые должны были носить все евреи.

Из соседнего здания слышался сильный грохот, словно молотком или топором сбивают штукатурку. Полиция обнаружила тайник за стеной, его выдавала слишком свежая краска. Раздался душераздирающий крик – ребенка нашли и вытащили из укрытия. Если бы я оказалась там, меня бы тоже поймали. Кто-то подошел к двери и открыл ее нараспашку. Мое сердце сжалось. Я слышала дыхание, чувствовала, как глаза рыщут по комнате. *Мамочка, прости*, подумала я, представляя, как она ругает меня за то, что я ушла с черда-

ка. Я мысленно приготовилась к тому, что чемодан откроют. Отнесутся ли ко мне мягче, если я выйду и сдамся? Немец продолжал идти по коридору, перед каждой дверью останавливался и осматривался, постепенно его шаги затихли.

Война пришла в Краков одним теплым осенним днем два с половиной года назад, когда впервые прозвучали сирены воздушной тревоги и игравшие на улицах дети сломя голову побежали домой. Сначала жизнь стала тяжелой, а потом и вовсе паршивой. Исчезла еда, и мы стояли в длинных очередях за обычными продуктами. Однажды хлеба не было целую неделю.

Затем, примерно год назад, по приказу Генерального правительства тысячи евреев из маленьких городов и деревень наводнили Краков, ошеломленные, они несли на спинах свои пожитки. Сперва я задавалась вопросом, как они все разместятся в Казимеже – и без того тесном еврейском районе города. Однако новоприбывших переселили в многолюдную часть промышленного района Подгуже на другой стороне реки, отгороженной высокой стеной. Мама состояла в *Гмине*, местной организации еврейской общины, и помогала устроиться переселенцам, поэтому мы часто приглашали новых друзей наших друзей на ужин, перед тем как они окончательно оставались в гетто. О своих родных местах они рассказывали до того ужасные истории, почти невероятные, что мама выгоняла меня из комнаты, чтобы я не слышала.

Через несколько месяцев после образования гетто нам то-

же велели переселиться туда. Когда папа сообщил об этом, я не могла поверить. Мы не были беженцами, мы были жителями Кракова, всю жизнь жили в квартире на улице Мейзельса. Место было идеальное: на границе Еврейского квартала, в пешей доступности главные достопримечательности и жужжание центра, и близость папиной работы на Страдомской улице, он даже приходил домой на обед. Наша квартира располагалась над кафе, где каждый вечер играли на пианино. Порой музыка доносилась до нас, и папа кружил маму по кухне под тихую мелодию. Но приказы не оставляли иного выбора. Один день. Один чемодан на человека. И знакомый мне мир исчез навсегда.

Я всматривались в узкую чемоданную щель, пытаюсь разглядеть крошечную комнату, где жила с родителями. Я понимала, нам повезло, у нас была целая комната, эту привилегию мы получили, потому что отец был бригадиром. Другие были вынуждены жить вместе, часто по две или три семьи. Тем не менее по сравнению с нашей квартирой здесь было тесно. Мы все жили друг у друга на головах, запахи, звуки и картины бытовой жизни только ухудшались.

«*Киндер, raus!*» – снова и снова выкрикивали полицаи, рыская по коридорам. *Дети, выходите.* Это не впервые, когда немцы пришли за детьми днем, зная, что родители будут на работе.

Но я уже не ребенок. Мне было восемнадцать, и я могла бы работать, как другие мои сверстники или даже ребята

та на несколько лет моложе. Каждое утро я видела, как они выстраиваются в очередь на перекличку перед отправкой на фабрику. И я *хотела* работать, хотя, судя по тому, как медленно, с трудом, сутулясь как старик, передвигался отец, и как у мамы кровоточили разбитые руки, это было ужасно тяжело. Работа давала возможность выйти и поговорить с людьми. Мое укрывательство превратилось в предмет многочисленных споров между родителями. Папа считал, что я должна работать. В гетто высоко ценились трудовые карточки. Рабочими дорожили и с меньшей вероятностью могли отправить в лагеря. Но мама, редко спорящая с отцом, запрещала. *Она выглядит младше. Работа слишком тяжелая. Ей лучше не показываться, так безопаснее.* Сейчас, скрываясь, готовая, что в любой момент меня обнаружат, я размышляла, будет ли она думать, что была права.

Наконец в здании воцарилась тишина, последние ужасные шаги стихли. Я все еще не шевелилась. Все напоминало ловушку – поймать тех, кто прячется: притвориться, что уходят, а самим сидеть в засаде и ждать, когда выйдут люди. Я не двигалась, не смея покинуть свое убежище. Конечности ныли, потом онемели. Я понятия не имела, сколько времени прошло. Через щелочку я видела, как в комнате потемнело, будто солнце немного опустилось. Спустя какое-то время снова слышались шаги, на этот раз шаркающие, будто волочились рабочие, утомленные и молчаливые. Я попыталась вылезти из чемодана. Но затекшие мышцы болели, и движе-

ния получались медленными. До того, как я успела выбраться, дверь в нашу квартиру распахнулась, и кто-то вбежал в комнату легкими, семенящими шагами.

– Сэди! – Это была мама и ее истеричный голос.

– *Естем тутай*, – позвала я. *Я здесь*. Теперь она была здесь и могла помочь открыть его и освободить меня. Но чемодан заглушал мой голос. Когда я попыталась расстегнуть застёжку, она застряла.

Мама выбежала из комнаты обратно в коридор. Я слышала, как она открыла дверь на чердак, потом бежала по лестнице, все еще разыскивая меня.

– Сэди! – звала она. – Моя деточка, моя деточка, – постоянно причитала она, пока искала, но когда не обнаружила меня, перешла на крик. Она думала, меня забрали.

– Мама! – заорала я. Но она была слишком далеко и не услышала, к тому же и сама кричала слишком громко. В отчаянии я вновь предприняла попытку выбраться из чемодана, но безуспешно. Мама с воплем вернулась обратно в комнату. Я услышала скрежет открывающегося окна. В конце концов я со всей силы навалилась на крышку чемодана плечом, так что его заломило от боли. Застёжка открылась.

Я освободилась и вскочила.

– Мама? – Она стояла в странной позе, закинув одну ногу на подоконник, стройная фигура вырисовывалась на фоне холодного сумеречного неба. – Что ты делаешь? – На мгновение мне показалось, что она ищет меня снаружи. Grimаса

страдания и боли искажила ее лицо. Тогда до меня дошло, почему мама оказалась на подоконнике. Она предположила, что меня забрали вместе с другими детьми. И не хотела жить. Если бы я вовремя не выбралась из чемодана, мама бы прыгнула. Я была ее единственным ребенком, всем ее миром. Она скорее покончила бы с собой, нежели жила без меня.

Я бросилась к ней, по телу пробежал холодок.

– Я здесь, здесь. – Она пошатнулась на подоконнике, и я схватила ее за руку, чтобы она не упала. Меня охватило раскаяние. Я всегда хотела ей угодить, вызвать на ее прекрасном лице эту с трудом завоеванную улыбку. А сейчас я причинила ей столько боли, что она чуть не совершила немыслимое.

– Я так переживала, – призналась она, когда я помогла ей спуститься и закрыть окно. Как будто это все объясняло. – Тебя не было на чердаке.

– Но, мама, я спряталась там, где ты мне говорила. – Я указала на чемодан. – В другом месте, помнишь? Почему ты не искала меня там?

Мама озадачилась.

– Я думала, что ты там не поместишься. – Последовала пауза, а затем мы обе разразились смехом, он звучал хрипло и неуместно в этой жалкой комнате. На какое-то мгновение мне даже показалось, что мы вернулись в нашу старую квартиру на улице Мейзельса и ничего этого не было. Если мы до сих пор не разучились смеяться, значит все не так уж плохо.

Я зацепилась за эту невероятную мысль, как за спасательный круг.

Но в доме раздался вопль, затем еще один, заглушая наш смех. Это кричали матери других детей, которых забрала полиция. Снаружи раздался глухой звук. Я двинулась к окну, но мама преградила путь.

– Не смотри, – запретила она. Но было уже поздно. Я мельком увидела Хельгу Кольберг, соседку по коридору, неподвижно растянувшуюся внизу на тротуаре, в снегу угольного оттенка ее конечности неестественно распластались, а юбка лежала веером. Она поняла, что ее детей забрали, и как мама, жить без них она не желала. Я задумалась, побудил ли ее прыгнуть общий инстинкт или они обсуждали этот шаг, и это был своего рода договор о самоубийстве на случай, если худшие кошмары сбудутся.

Потом в комнату вбежал отец. Ни я, ни мама не сказали ни слова, но по не свойственному ему мрачному выражению лица я поняла, что он уже знал об *акционе* и о том, что случилось с другими семьями. Он просто подошел и обхватил нас обеих своими огромными руками, обняв крепче обычного. Пока мы сидели, молча и неподвижно, я изучала родителей. Мама – писаная красавица, миниатюрная и грациозная, с белокурыми волосами как у скандинавской принцессы. Она совсем не походила на остальных евреек, и я не слышала, как люди шептались, что она не местная. Если бы не мы, она могла бы уйти из гетто. Но я пошла в папу, с олив-

ковой кожей и темными выющимися волосами, и в том, что мы евреи, не было никаких сомнений. Отец выглядел как рабочий, каким его в гетто сделали немцы – широкоплечий, готовый поднимать огромные трубы или бетонные плиты. На самом деле он был бухгалтером – то есть был им до тех пор, пока его компания не запретила ему работать. Я всегда хотела угодить маме, но именно папа был моим союзником, мечтателем, хранителем тайн, тем, кто засиживался допоздна и нашептывал в темноте секреты, бродил со мной по городу в поиске сокровищ. Я придвинулась ближе, стараясь раствориться в объятиях, дарующих безопасность. И все же папины объятия не могли защитить от всеобщих изменений. Гетто, несмотря на ужасные условия, все-таки было относительно безопасным. Мы жили среди евреев, и немцы даже установили еврейский совет, Юденрат, чтобы заниматься нашими делами. Может, если бы мы сидели тихо и делали все, что нам велено, не раз повторял папа, немцы оставили бы нас в покое до конца войны. Это была всего лишь надежда. Но после сегодняшнего дня я уже не была так уверена. Со смесью отвращения и страха оглядела комнату. Сначала я не хотела жить здесь; теперь боялась, что нам придется уехать.

– Мы должны что-то предпринять, – взорвалась мама, ее голос звучал громче обычного, и она произнесла вслух все мои невысказанные мысли.

– Я возьму ее завтра с собой, и мы получим разрешение на работу, – ответил папа. На этот раз мама не стала спорить. До

войны быть ребенком было неплохо. Но теперь возможность принести пользу и поработать – единственное, что могло нас спасти.

Однако мама говорила не только о разрешении на работу. – Они придут снова, и в следующий раз нам так не повезет. – Теперь она не потрудилась спрятать свои мысли от меня. Я кивнула, молча соглашаясь. Все меняется, подтвердил внутренний голос. Мы не сможем остаться здесь навсегда.

– Все будет хорошо, *кохана*, – успокаивал ее папа. Как он мог так говорить? Но мама положила голову ему на плечо в знак того, что, как обычно, доверяет ему. Мне тоже хотелось в это верить. – Я что-нибудь придумаю. По крайней мере, – добавил папа, когда мы прижались друг к другу, – мы все еще вместе. – Слова разлетелись по комнате обещанием и молитвой одновременно.

2

Элла

Краков, Польша

Июнь 1942 года

Стоял теплый июньский вечер, я шла по рыночной площади, обходя стоявшие в тени Суконных Рядов ароматные цветочные киоски, с выставленными напоказ яркими, свежими цветами, однако мало у кого имелись деньги или желание их купить. Уличные кафе, не такие шумные, как обычно в это время года, все еще работали и бойко торговали пивом, подавая его немецким солдатам и тем немногим авантюристам, которые осмелились к ним примкнуть. Если не вглядываться, то может показаться, что вообще ничего не изменилось.

Но, разумеется, изменилось все. Почти три года Краков был в оккупации. Красные флаги с черной свастикой посередине свисали с Сукеннице – длинного желтого здания в центре площади, где торговали сукном. На кирпичной Рату-

ше – городской башне – они тоже висели. Рынок переименовали в Адольф-Гитлер-плац, а многовековые польские названия улиц превратились в Рейхштрассе, Вермахтштрассе и тому подобное. Гитлер назначил Краков резиденцией Генерального правительства, и город был переполнен эсэсовцами и остальными немецкими солдатами, бандитами в сапогах, расхаживающими по тротуарам шеренгой по три-четыре человека, вынуждая остальных пешеходов сойти с дороги, и по желанию цеплялись к простым полякам. На углу мальчик в коротких штанишках продавал *«Кракауэр Цайтунг»*, немецкую пропагандистскую газету, заменившую наши собственные. «Срамота», – за глаза называли ее люди, имея в виду, что она годится только в качестве подтирки.

Несмотря на ужасные перемены, все равно было приятно выйти на улицу, чтобы в такой вечер размять ноги и ощутить солнечное тепло. Из своих девятнадцати лет, сколько себя помню, я гуляла по улицам Старого города каждый день, сначала в детстве с отцом, затем сама. Его достопримечательности – топография моей жизни, от средневековой крепости Барбакан и ворот в конце Флорианской улицы до Вавельского замка, расположенного на вершине холма с видом на Вислу. Казалось, прогулка пешком – единственная вещь, которую ни время, ни война не могли у меня отнять. Однако я не заходила в кафе. Может быть, смеясь и болтая, я бы и села бы со своими друзьями на закате, когда загорались вечерние огни, отбрасывая на тротуар каскады желтых лу-

жиц. Но теперь ночные огни не зажигались – в соответствии с немецким указом все было потушено, чтобы замаскировать город от вероятного воздушного налета. И никто из моих знакомых больше не хотел встречаться. Люди стали меньше выходить на улицу, часто напоминала я себе, когда приглашения, которых когда-то было в избытке, сошли на нет. Мало кто мог позволить купить достаточно еды по продовольственным карточкам, чтобы пригласить гостей. Все было слишком озабочено собственным выживанием, и общение превратилось в роскошь, которую мы не могли себе позволить.

Но до сих пор я ощущала приступы одиночества. Моя жизнь была такой неприметной без Крыса, и мне хотелось бы посидеть и поболтать с друзьями моего возраста. Подавив это чувство, я еще раз обошла площадь, изучая витрины магазинов, где выставлялась одежда и другие товары, которые почти никто больше не мог себе позволить. Что угодно, лишь бы оттянуть возвращение домой, где мы живем с мачехой. Задерживаться на улице было глупо. Известно, что немцы с наступлением темноты и приближением комендантского часа все чаще останавливали людей для допроса и осмотра. Покинув площадь, я направилась к главной улице – Гродской, к дому, что стоял в нескольких шагах от центра, где я прожила всю свою жизнь. Затем свернула на улицу Канонича, старую, извилистую дорогу, вымощенную отполированным временем булыжником. И хотя я боялась встретить-

ся со своей мачехой Анной-Люсией, просторный городской дом, в котором мы жили, до сих пор выглядел приятно. С ярко-желтым фасадом и ухоженными цветами в ящиках на окнах он выглядел опрятнее, чем, по мнению немцев, заслуживали поляки. При других обстоятельствах дом наверняка забрали бы для нужд какого-нибудь нацистского офицера.

Пока я стояла возле дома, перед глазами проносились воспоминания о моей семье. Самыми смутными были образы матери, скончавшейся от гриппа, когда я была крохой. Я была младшей из четырех детей и завидовала своим братьям и сестрам, прожившим так много лет с нашей мамой, которую мне едва довелось узнать. Обе мои сестры были замужем, одна – за адвокатом в Варшаве, а другая – за капитаном судна в Гданьске. Больше всего я скучала по брату Мачею, он был младше сестер и по возрасту ближе мне. И хотя он был на восемь лет старше, всегда находил время поиграть и поговорить со мной. Он отличался от других. Его не интересовали ни брак, ни карьера, которой отец желал для него. Поэтому в семнадцать лет он сбежал в Париж, где жил с человеком по имени Филипп. Безусловно, Мачей не убежал от цепких лап нацистов. Теперь они контролировали Париж, погружая во тьму все, что он когда-то называл Городом Огней. Но его письма еще оставались полны оптимизма, и я надеялась, что в Париже сейчас хотя бы немножечко лучше.

Когда мои братья и сестры разъехались, долгие годы мы с отцом жили вдвоем, его я звала Тата. Затем он зачастил

в Вену по делам своей типографии. Однажды он вернулся с Анной-Люсией, на которой, не сказав мне, женился. Впервые встретившись с ней, я сразу поняла, что возненавижу ее. Она была в пышной меховой шубе с головой животного на воротах. Полные упрека глаза этого бедняги жалобно смотрели на меня. Когда она поцеловала меня в щеку, тяжелый аромат жасмина ударил в нос, а ее дыхание походило на шипение. По тому, как холодно она оценила меня при встрече, я поняла, что мне не рады, как чужой мебели, от которой не отделаться, потому что она идет вместе с домом.

Когда началась война, Тата решил возобновить службу в армии. Само собой, в его возрасте идти было не обязательно. Но он служил из чувства долга не только перед страной, но и перед молодыми солдатами, почти мальчиками, которые еще не родились, когда Польша в последний раз вступала в войну.

Скоро пришла телеграмма: пропал без вести, предположительно погиб на Восточном фронте. Когда я подумала о Тате, у меня сразу защемило в глазах, боль была такой же острой, как и в день, когда мы узнали об этом. Иногда я грезила, что он попал в плен и вернется после войны. В остальное время я злилась: как он мог уйти и оставить меня одну с Анной-Люсией? Она походила на злую мачеху из детской сказки, только хуже, потому что была настоящей.

Я подошла к дубовой арке двери нашего дома и стала поворачивать медную ручку. Услышав громкие голоса внутри,

я остановилась. Анна-Люсия снова развлекала гостей. Застолья моей мачехи всегда были шумными. «Суаре», так она их называла, претенциознее, чем они на самом деле являлись. Мне казалось, они состояли из любой приличной еды, которую можно раздобыть в наши дни, пары бутылок вина из пустеющего отцовского погреба и холодной водки, разбавленной водой, чтобы растянуть. До войны я бы, возможно, присоединилась к ее вечерам, куда приходили художники, музыканты и интеллектуалы. Мне нравилось слушать их оживленные дебаты, обсуждения до поздней ночи. Но теперь все эти люди исчезли, эмигрировав в Швейцарию или Англию, а тех, кому не так повезло, арестовали и выслали из страны. Их заменили гости худшего сорта – немцы, и чем выше звание, тем лучше. Анна-Люсия оказалась самым настоящим прагматиком. В самом начале войны она осознала, что необходимо подружиться с нашими захватчиками. Теперь каждые выходные наш стол был облеплен толстошеими скотинами, которые загрязняли дом сигаретным дымом и пачкали ковры грязными сапогами, не потрудившись вытереть их у двери.

Сперва Анна-Люсия утверждала, что дружит с немцами, чтобы добыть информацию о моем отце. Это было в самом начале, когда мы все еще надеялись, что он в тюрьме или пропал без вести в бою. Но потом мы получили извещение, что он погиб, и она стала общаться с немцами даже больше, чем раньше. Словно освободившись от притворного замужества, она могла уже позволить вести себя так ужасно, как и

всегда хотела.

Безусловно, я не осмеливалась указать мачехе на ее постыдные поступки. Поскольку отец был объявлен умершим и не оставил завещания, дом и все его деньги по закону должны были перейти ей. Если бы я стала препятствовать, она бы с радостью выгнала меня, выкинула, как мебель, которая никогда не нравилась. У меня ничего не было. Поэтому я действовала осторожно. Анна-Люсия любила напоминать мне, что только благодаря ее хорошим отношениям с немцами мы остались в нашем прекрасном доме с достаточным количеством еды и соответствующими печатями в *Кеннкартен*¹ для свободного передвижения по городу.

Я отошла от входной двери. С тротуара я печально смотрела через окно на знакомые хрустальные бокалы и фарфор. Но я не видела ужасных незнакомцев, которые теперь наслаждались нашими вещами. Вместо этого мое воображение рисовало образы моей семьи: я хотела играть в куклы со старшими сестрами, мать ругает Мачея за то, что тот уронит вещи, пока гоняется за мной вокруг стола. Пока ты молод, тебе кажется, что семья, в которой ты родился, будет с тобой всегда. Война и время доказали обратное.

Страшась общества Анны-Люсии больше, чем комендантского часа, я развернулась и снова пошла пешком. Я не знала, куда держать путь. Уже стемнело, и парки были закрыты для простых поляков, как и большинство лучших ка-

---

¹ Кеннкартен – документ, удостоверяющий личность.

фе, ресторанов и кинотеатров. В тот момент моя нерешительность, казалось, отражала мою жизнь в целом, я оказалась на своего рода ничейной земле. Мне некуда и не с кем было идти. В оккупированном Кракове я чувствовала себя комнатной птичкой, которой может чуть полетать, но всегда должна помнить, что заперта в клетке.

Все могло бы быть по-другому, если бы Крыс до сих пор был здесь, размышляла я, направляясь обратно в сторону Рынка. Я представляла себе иную реальность, где война не заставила бы его уехать. Мы бы уже думали о свадьбе, а может быть, даже поженились.

Мы с Крысом случайно встретились почти за два года до войны, когда остановились с друзьями выпить кофе во внутреннем дворике кафе, куда он доставлял продукты. Высокий и широкоплечий, он выглядел внушительно, когда шел по проходу с большим ящиком в руках. Черты лица у него были грубые, словно высеченные из камня, а взгляд как у льва, охватывающий всю комнату. Когда он проходил мимо нашего столика, из ящика в его руках выпала луковица и покатилась ко мне. Он опустился на колени, чтобы поднять ее, посмотрел на меня и улыбнулся. «Я у твоих ног». Порой я задавалась вопросом, намеренно ли он уронил луковицу или это судьба направила его в мою сторону.

В тот же самый вечер он пригласил меня на свидание. Мне следовало бы отказаться – неприлично так быстро соглашаться. Но я была заинтригована, а через пару часов по-

сле ужина сражена. Меня тянуло к нему не только внешне. Крыс отличался от всех, кого я когда-нибудь встречала. В нем была энергия, которая заполняла собой всю комнату, а остальные в ней исчезали.

И хотя он родился в рабочей семье и не окончил среднюю школу, не говоря уже о поступлении в университет, он оказался гениальным самоучкой. Его смелые идеи о будущем, о том, каким должен быть мир, возвышали его над остальными. Он был самым умным человеком из всех, кого я знала. И он слушал меня как никто другой. Все свободное время мы проводили вместе. Мы были необычной парой – мне нравилось общаться, проводить время в компании друзей. Он был одинокий волк, избегавший людей и предпочитавший глубокие беседы во время долгих прогулок. Крыс любил природу и показывал мне за городом места редкой красоты, густые леса и руины замков, спрятанные в такой глубине, что я даже не подозревала об их существовании.

Однажды вечером, через несколько недель после нашей первой встречи, мы прогуливались по высокому гребню холма Святой Брониславы, недалеко от города, горячо обсуждая французских философов, когда я заметила, что он пристально наблюдает за мной.

– В чем дело?

– Когда мы встретились, я думал, ты будешь такой же, как остальные девушки, – сказал он. – Интересоваться поверхностными вещами. – И хотя я могла обидеться, я понимала,

что он имеет в виду. Мои друзья в основном интересовались вечеринками, спектаклями и модой. — А вместо этого я нашел тебя, совершенно другую.

Вскоре после этого мы стали неразлучны, планировали свадьбу и путешествие по миру. И конечно, война все изменила. Крыса не призвали, но как и мой отец, он сразу ушел на фронт. Он ко всему был небезразличен, и война не стала исключением. Я заметила, что если он немного подождет, то война может закончиться, но Крыс не поддался на уговоры. Хуже того, он оставил меня перед уходом.

— Мы не знаем, как долго меня не будет.

Но если ты вернешься, подумала я, мысль была настолько ужасная, что ни один из нас не смог бы ее произнести. *Тебе лучше оставаться свободной, чтобы повстречать другого.* Это звучало как шутка. Даже если бы в Кракове остались другие молодые люди, мне было бы все равно. Я ожесточенно спорила, моя гордость, не желающая признать, что нужно не расставаться, а скорее объявить помолвку или даже пожениться, как это сделали другие. По крайней мере, я хотела, чтобы у меня осталась часть его, хотела связать себя узами на случай, если что-то случится. Но Крыс медлил, а если он что-то вбил себе в голову, ничто в мире не могло его переубедить. Последнюю ночь мы провели вместе, став ближе, чем следовало, потому что другой возможности оказаться вдвоем могло долго не представиться, может быть, никогда. Перед рассветом я ушла в слезах, крадучись, зашла в

дом прежде, чем мачеха заметила бы мое отсутствие.

Несмотря на то, что мы с Крысом больше не были парой, я продолжала его любить. Он бросил меня, потому что считал, что для меня так будет лучше. Я была уверена, что, когда закончится война и он благополучно вернется, мы воссоединимся и все будет как раньше. Потом польскую армию быстро разгромили немецкие танки и артиллерия. Многие из тех, кто ушел на фронт, вернулись ранеными, подавленными. Я надеялась, что Крыс тоже вернется. Но его не было. Редкими стали его отстраненные письма, а потом и вовсе прекратили приходить. Где он? Я постоянно спрашивала себя об этом. Конечно, в случае ареста, или чего хуже, мне бы сообщили об этом его родители. Нет, Крыс все еще там, упрямо твердила я себе. Просто война нарушила работу почты. И Крыс обязательно вернется ко мне, сразу, как сможет.

Вдалеке зазвонили колокола Марицкого костела, возвещая о семи часах. Я машинально ждала, когда трубач сыграет на Хейнале, как он трубил ежечасно большую часть моей жизни. Но мелодия трубача, средневековый боевой клич, напоминавший о том, как Польша когда-то отразила вторжение орды, теперь оказалась во власти немцев, а те разрешали играть ее только два раза в день. Я снова пересекла рыночную площадь, размышляя, стоит ли остановиться и выпить кофе, чтобы скоротать время. Когда я подошла к одному из кафе, солдат-немец, сидевший в компании двух других, посмотрел на меня с интересом, его намерения были ясны. Ни-

чего хорошего не выйдет, если я там сяду. Я торопливо пошла дальше.

Приближаясь к Сукеннице, я заметила две знакомые фигуры, они шли, держась за руки, и заглядывали в витрину магазина. Я направилась к ним.

– Добрый вечер.

– О, привет. – Магда, брюнетка, выглянула из-под соломенной шляпы, вышедшей из моды года два назад. До войны Магда была одной из самых близких моих подруг. Но уже несколько месяцев я ее не видела и ничего не слышала о ней. Она избегала моего взгляда и отводила глаза. Рядом с ней стояла Клара, недалекая девушка, которая никогда не была мне интересна. Она щеголяла светлой стрижкой пажа и ниточкой высоких бровей, которые придавали ей выражение постоянного удивления. – Мы просто прошлись по магазинам и собирались остановиться, чтобы перекусить, – самодовольно сообщила мне она.

Меня они не пригласили.

– Я бы с удовольствием, – рискнула сказать я Магде. И хотя в последнее время мы не общались, где-то в глубине души я все еще надеялась, что моя старая подруга подумала бы обо мне и пригласила бы в свою компанию.

Магда промолчала. Но Клара, всегда завидовавшая моей близости с Магдой, не стеснялась в выражениях:

– Мы не звонили тебе. Думали, ты будешь занята новыми друзьями своей мачехи. – Мои щеки вспыхнули, как от по-

щечины. Несколько месяцев я утешала себя, что мои подружки больше не собираются вместе. Суровая правда заключалась в том, что они больше не встречались *со мной*. Тогда я поняла, что исчезновение моих друзей не связано с тяготами войны. Они избегали меня, потому что Анна-Люсия была коллаборационисткой, и, наверное, они думали, что и я тоже.

Я откашлялась.

– Я не общаюсь с людьми, с которыми общается моя мать, – медленно ответила я, стараясь изо всех сил, чтобы голос не дрожал. Ни Клара, ни Магда больше ничего не сказали в ответ, и между нами повисло неловкое молчание.

Я задрала подбородок.

– Не важно, – сказала я, пытаюсь не думать об отказе. – Я была занята. Мне нужно столько всего успеть до возвращения Крыса. – Я не сказала им, что мы с Крысом расстались. И не только потому, что мы давно не виделись или мне было стыдно. Скорее, если бы я произнесла это вслух, я бы призналась самой себе, что так оно и есть. – Он скоро вернется, и тогда мы сможем пожениться.

– Конечно, он вернется, – ответила Магда, и я почувствовала укол вины, вспомнив ее жениха Альберта, которого забрали немцы, когда захватили университет и арестовали всех профессоров. Он так и не вернулся.

– Ну, нам пора, – бросила Клара. – Мы забронировали на семь тридцать. – На долю секунду мне захотелось, чтобы,

несмотря на всю невежливость, они все же взяли меня с собой. Какая-то жалкая часть меня наступила бы на гордость и согласилась ради нескольких часов в компании. Но они этого не сделали.

— Тогда до свидания, — холодно попрощалась Клара. Она взяла Магду за руку и увела ее прочь, ветер разносил их смех по площади. Их головы заговорщически склонились друг к другу, и я была уверена, они шептались обо мне.

Ну и пусть, сказала я себе, подавляя горечь от отказа. Я плотнее запахнула свитер, защищаясь от летного ветерка, который теперь нес зловещий холод. Скоро вернется Крыс, и мы обручимся. Мы начнем с того места, где остановились, и все повернется так, словно этого ужасного расставания никогда и не случилось.

3

Сэди

Март 1943 года

Меня разбудил громкий скрипучий звук.

Ночной шум из гетто потревожил меня не впервые. Стены нашего многоквартирного дома, наспех построенные, чтобы из первоначальных комнат соорудить жилье поменьше, были тонкими, почти бумажными, и легко пропускали обычно приглушенные звуки повседневной жизни. Ночью в нашей комнате тоже постоянно слышались тяжелое дыхание и храп отца, тихое мычание матери, пытавшейся принять удобное положение со своим недавно округлившимся животом. Я часто слышала, как родители шепчутся друг с другом в нашем крошечном общем пространстве, думая, что я сплю.

Они больше не пытались от меня что-то скрывать. Спустя год, как меня чуть не поймали и не забрали во время *актиона*, стало невозможно не замечать кошмар нашего ухудшающегося положения. После мучительной зимы без отопления, со скудной пищей нас окружали болезни и смерти.

Молодежь и старики умерли от голода и болезней, или были расстреляны за то, что недостаточно быстро выполняли приказы полиции гетто, или за какие-то другие нарушения при ежеутреннем построении на работу.

Мы никогда не говорили о том дне, когда меня чуть не забрали. Но после этого все изменилось. Во-первых, теперь у меня была работа, я работала вместе с мамой на обувной фабрике. Папа использовал все свои связи, чтобы мы могли работать вместе, а также проследил, чтобы нам не давали тяжелых поручений. Тем не менее от работы с грубой кожей по двенадцать часов мои руки покрылись мозолями и кровоточили, а от постоянного сгорбленного положения и монотонных движений кости ныли, как у старухи.

Мама тоже изменилась – почти в сорок лет она была беременна. Всю жизнь я знала, что родители страстно желали еще одного ребенка. Невероятно, но сейчас, в самые мрачные времена, их молитвы были услышаны.

– В конце лета, – сообщил папа примерную дату рождения. Это уже было заметно по маме, ее округлившийся живот выпирал из худого тела.

Я бы хотела разделить радость родителей в ожидании ребенка. Когда-то я мечтала о брате или сестре, чуть младше меня. Но мне было девятнадцать, и я уже могла бы завести собственную семью. Ребенок казался таким бесполезным, еще один рот, который нужно кормить в худшие време-

на. Мы так долго были только втроем. И все же дитя должно было родиться, нравилось мне это или нет. И я вовсе не была уверена, что мне этого хотелось.

Вновь раздался скрежет, громче, чем до этого, как будто кто-то копался в бетоне. Должно быть, снова заработал древний водопровод, подумала я. Возможно, кто-то наконец-то починил единственный туалет на первом этаже, который постоянно засорялся. И все же было странно, что кто-то работал посреди ночи.

Я села на кровать, раздраженная вмешательством. Я спала беспокойно. Нам не разрешали держать окна открытыми, и даже в марте в комнате было душно, воздух был густым и зловонным. Я огляделась в поисках родителей и, к своему удивлению, обнаружила, что их нет. Иногда после того, как я ложилась, папа, чтобы вырваться за пределы нашей комнаты, пренебрегал правилами гетто и с другими мужчинами этажом ниже выходил покурить на крыльцо. Но он уже должен был вернуться, а мама редко уходила куда-то, кроме работы. Что-то было не так.

Внизу на улице начали стрелять, немцы выкрикивали приказы. Я сжалась. Прошел целый год с того дня, как я спряталась в чемодане, и хотя мы слышали о крупномасштабных *акциях* в других частях гетто («ликвидациях», как однажды объяснил папа), с тех пор немцы не приходили в наш дом. Но ужас пережитого никогда меня не покидал, а внутреннее чутье уверенно подсказывало, что они вернутся.

Я поднялась, влезла в тапочки и халат и выбежала из квартиры в поисках родителей. Не понимая, где их искать, я решила начать снизу. В коридоре было темно, если не считать слабого света, исходявшего из ванной, поэтому я направилась туда. Когда я переступила через порог, я сощурилась не только от неожиданного света, но и от удивления. Унитаз был полностью снят с креплений и отодвинут в сторону, обнажив неровную дыру в земле. Я даже не подозревала, что его можно отодвинуть. Отец стоял на земле, на коленях, и скреб дыру, буквально откалывая бетонные края и расширяя ее руками.

– Папа?

Он не поднял глаз.

– Быстро одевайся! – бросил он резко как никогда.

Я подумала, не задать ли еще один из десятка вопросов, вертевшихся у меня в голове. Но я росла единственным ребенком среди взрослых и была достаточно умна, чтобы понимать, когда нужно просто молча согласиться. Я поднялась вверх в нашу комнату и открыла прогнивший шкаф с одеждой. А потом засомневалась. Я понятия не имела, что надеть, к тому же не знала, где мама, а снова побеспокоить отца вопросами не осмеливалась. Так или иначе, мы приехали в гетто всего с несколькими чемоданами на троих; не то чтобы мне было из чего выбирать. Я сняла юбку и блузку с вешалки и стала одеваться.

Мама появилась в дверях и покачала головой.

– Оденься потеплее, – посоветовала она.

– Но, мама, уже не так холодно.

Она промолчала. Вместо этого вытащила толстый синий свитер, связанный моей бабушкой прошлой зимой, и мою единственную пару шерстяных брюк. Я удивилась – я предпочитала носить брюки, а не юбки, но мама считала их неподобающими для девушки и до войны разрешала мне их надевать только по выходным, когда мы никуда не выходили. Когда я переоделась, она указала на мои ноги.

– Ботинки, – строго велела она.

Я носила ботинки уже две зимы, и они стали слишком тесными.

– Они жмут.

Мы собирались купить новую пару прошлой осенью, но появились ограничения: евреям запретили посещать магазины.

Мама приготовилась что-то сказать, и я была уверена, что она настоит, чтобы я их надела. Затем она порылась в нижнем ящике шкафа и вытащила собственные ботинки.

– Но что ты сама наденешь?

– Просто возьми их. – Услышав ее сухой тон, я подчинилась без лишних вопросов. Мамины ступни были по-птичьи узкими и маленькими, а ботинки всего на размер больше моих собственных. Тогда я заметила, что, несмотря на то, что она одевала меня для холодной погоды, сама она по-прежнему носила юбку – брюк у нее так и не было, а даже если бы

они у нее и были, ежедневно растущий живот не поместился бы в них.

Когда мама закончила упаковывать вещи в сумку, я выглянула в окно. В тусклом предрассветном свете я могла разглядеть людей в униформе, не только полицейских, но и эсэсовцев, расставляющих столы. Оба конца улицы были перекрыты. Евреев заставляли собираться на площади Згоды, как они делали каждое утро. Только не было никакого порядка и переклички, как обычно, когда мы выстраивались в очередь перед работой на фабриках. Полиция вытаскивала людей из домов и пыталась выстроить толпу в шеренги с помощью дубинок и кнутов, подгоняя их к десятку грузовиков, ожидавших на углу. Похоже, что они забирали всех из гетто. Я тревожно опустила занавеску.

Я никогда еще не слышала грохот выстрелов так близко от дома. Мама оттащила меня от окна и усадила на пол, то ли для того, чтобы я ничего не увидела, то ли чтобы меня не задело.

Когда стрельба затихла на несколько секунд, она встала и подняла меня на ноги, затем отвела от окна и завернула меня в пальто.

– Ну давай, живее! – С небольшой сумкой в руках она направилась к двери.

Я обернулась. Так долго я питала ненависть к этому грязному, тесному месту. Но мрачная комната теперь выглядела убежищем, единственным знакомым мне островком без-

опасности. Я бы все отдала, чтобы остаться.

Я подумала, не отказаться ли. Выходить из комнаты сейчас, когда на улице полно полицейских, казалось глупым и небезопасным. Но потом я увидела выражение лица матери, не просто сердитое, но испуганное. Речь шла не о прогулке, от которой можно отказаться. Здесь выбора не было.

Вслед за мамой я спустилась вниз по лестнице, до сих пор не совсем понимая, что происходит. Я предполагала, что мы выйдем на улицу и присоединимся к остальным, чтобы не привлечь к себе внимания или чтобы немцы не забрали нас силой. Но мама резко развернула меня за плечи и втолкнула в коридор.

– Идем, – велела она.

– Куда? – спросила я. Она промолчала, но повела меня обратно в уборную, будто хотела попросить, чтобы я воспользовалась ею напоследок перед долгой дорогой.

Когда мы подошли к ванной, я услышала, как отец спорит с мужчиной с незнакомым голосом.

– Еще не готово, – сказал папа.

– Мы должны уходить сейчас же, – настаивал странный мужчина.

Идти куда-то было бы совершенно невозможно, думала я, вспоминая блокады на улице. Я вошла в ванную. Унитаз все еще был сдвинут в сторону, обнажая дыру в полу. Торчащая из нее голова мужчины заорожила меня. Будто она была отдельно, словно какая-то диковина в цирке уродцев или кар-

навале. У головы было широкое лицо, румяные щеки, обветренные от уличной работы холодной польской зимой. Увидев меня, мужчина улыбнулся.

– *Дзен добрый*, – вежливо сказал он, будто все было в порядке вещей. Затем он посмотрел на папу, и лицо его снова помрачнело. – Вам нужно уходить прямо сейчас.

– Уходить куда? – выпалила я. Улицы кишели эсэсовцами, гестаповцами и полицией еврейского гетто, которая, да поможет нам Бог, была не лучше. Я посмотрела вниз на дыру в полу, догадываясь. – Вы же не про...

Я повернулась к маме, ожидая ее возражений. Моя элегантная, утонченная мама не полезет в дыру под унитазом. Но у нее было каменное и решительное лицо, готовое к тому, о чем просил ее папа.

Однако я не была готова. Я сделала шаг назад.

– А как насчет Бабчи? – спросила я. Моя бабушка, жившая в доме престарелых на другом конце города, каким-то образом избежала депортации в гетто.

Мама замаялась, потом покачала головой.

– У нас нет времени. Ее дом престарелых не еврейский, – добавила она. – С ней все будет в порядке.

Через окно над раковиной я мельком увидела толпы людей, которых выгоняли из домов к грузовикам. В толпе я разглядела свою подругу Стефанию. Увидев ее так далеко от собственной квартиры на другой стороне гетто, я изумилась. Поскольку ее отец был полицейским еврейского гетто,

я полагала, что она-то как-нибудь сможет избежать всеобщей участи и спастись. Теперь ее забрали, как и остальных. Я почти пожалела, что не могу пойти с ней. Ее лицо было белым от страха. *Пойдем с нами*, – хотелось крикнуть мне. Я беспомощно наблюдала, как ее подтолкнули вперед, и она исчезла в толпе.

Мама вышла вперед.

– Первой пойду я.

Увидев ее живот, мужчина из ямы удивился.

– Я не знал... – пробормотал он. Его лицо сморщилось от ужаса. Я видела, как он прикидывал, какие дополнительные трудности принесут роды и новорожденное дитя. На секунду я задумалась, может ли он отказаться взять мою мать. Я затаила дыхание, ожидая, что он скажет, что это не годится и нам придется искать другой способ.

Но мужчина снова исчез в дыре, чтобы уступить дорогу, и мать шагнула вперед. Протянув папе свою сумку, она тяжело опустилась на пол, просунув ноги в дыру. В другое время она бы легко проскользнула. Моя птичка – так звал ее отец, и это прозвище ей очень шло, так как она была миниатюрной, похожей на девочку, даже когда ей было почти сорок. Однако сейчас, придерживая свой круглый живот, будто дыню, она выглядела грузной. Ее юбка неловко задралась, обнажив полоску белого живота. Я снова подумала, как и раньше, что она слишком стара для рождения второго ребенка. Мама тихо вскрикнула, когда папа протолкнул ее в дыру, а

затем исчезла в темноте.

– Твоя очередь, – обратился ко мне папа. Я озиралась, стараясь оттянуть момент. Все что угодно, но только не нырять в канализацию. Но немцы уже стояли у дома и барабанили в дверь. Скоро они ее выломают, и будет слишком поздно.

– Сэди, скорее! – в его голосе слышалась мольба. Что бы он ни просил меня сделать, он делал это ради нашего спасения.

Как и мама, я уселась на пол и уставилась в дыру, темную и зловещую. В ноздри ударило зловоние, и я поперхнулась. Нечто мятежное, упрямое восстало во мне, затмив обычное послушание.

– Я не могу.

Темнота дыры наводила ужас, по ту сторону ничего не было видно. Это напоминало момент, когда я пыталась прыгнуть в озеро с высокой ветки, только в тысячу раз хуже. Я не могла заставить себя пройти через это.

– Ты должна. – Отец не стал дожидаться дальнейших возражений и грубо протолкнул меня. Из-за плотной одежды я застряла на полпути, и он подтолкнул меня еще сильнее. Грязные края бетона впились мне в щеки, порезав их, а затем я провалилась в темноту.

Я тяжело приземлилась на колени. Холодная, вонючая вода расплескалась вокруг, намочив чулки. Ухватившись за скользкую стену, я старалась удержаться и не свалиться дальше. Пока я стояла, изо всех сил пыталась не думать о том, к

чему прикасалась.

Папа спустился в дыру и приземлился рядом со мной. Сверху кто-то заново закрыл пол. Я никого не видела за нами, и мне стало любопытно, кто же это был: возможно, сосед, которому папа заплатил или оказал услугу, или кто-то слишком трусливый, чтобы самому спуститься в канализацию. Наш последний луч света исчез. Мы оказалась заперты в кромешной тьме.

И мы были не одиноки. В темноте я слышала рядом с нами других людей, хотя я не могла сказать, сколько их и кто они. Я удивилась, что были и другие. Неужели они тоже прошли через дыру в туалете, чтобы оказаться здесь? Я моргнула, безуспешно пытаюсь привыкнуть к темноте.

– Что происходит? – спросил женский голос на идише. Никто не ответил.

Я вдохнула и захлебнулась от вони. Воняло повсюду. Запах воды с фекалиями и мочой, мусором и гнилью сгущал воздух.

– Дыши ртом, – тихо посоветовала мама. Но это оказалось еще хуже, будто я жевала грязь. – Дыши неглубоко. – Следующий совет тоже не помог. Канализационная вода доходила до лодыжек, просачиваясь сквозь ботинки и чулки, и от ледяной воды кожа покрылась мурашками.

Незнакомец зажег карбидную лампу, и свет лизнул округлые стены, осветив полдюжины странных, испуганных лиц вокруг меня. Ближе всего стояли двое мужчин, один пример-

но ровесник отца, а второй, похоже, был его сыном, примерно лет двадцати. Они были одеты в ермолки и черную одежду верующих евреев. *Жиды*, охарактеризовал бы их папа до начала войны, а теперь мы были все вместе. Он не имел в виду ничего грубого, скорее, это был своего рода короткий термин, обозначающий ортодоксальных евреев. Они всегда казались мне чужими со своими обычаями и строгими правилами, и в определенном смысле я чувствовала, что у меня больше общего с поляками, чем с этими евреями.

За ними стояла другая семья, молодая пара со спящим на отцовских руках маленьким мальчиком двух или трех лет, на всех были только пижамы и пальто. Рядом находилась сутулая пожилая женщина, и хотя она была в сторонке, я не могла сказать, к какой из семей она относилась. Может, она была сама по себе. Других девочек или детей моего возраста я не видела.

Когда глаза привыкли, я огляделась. Я представляла себе канализацию, если вообще представляла, как протянутые под землей трубы. Но мы находились в огромном, похожем на пещеру проходе с арочным потолком высотой примерно в шесть метров, похожим на тоннель, по которому может проехать грузовой поезд. В центре тоннеля бежали потоки черной воды, довольно широкие и глубокие, так что вполне сошли бы за реку. Я и представить себе не могла, что такая масса воды несется у нас под ногами. Ее шум, отражавшийся от высоких стен, почти оглушал.

Мы стояли на тонком бетонном выступе шириной не больше полметра, что тянулся вдоль одной стороны реки, и я смогла разглядеть второй выступ, который располагался параллельно. Течение было сильным и казалось, затягивало меня, пока я силилась удержаться на узкой тропинке. Однажды я читала книгу с греческими мифами об Аиде, повелителе подземного мира; теперь мне чудилось, что я нахожусь именно в таком месте, в каком-то странном подземном мире, о котором я никогда не задумывалась и даже не догадывалась о его существовании. Я ошеломленно смотрела на воду, объятая растущим страхом. Плавать я не умела. Сколько раз папа ни пытался научить меня, я не могла заставить себя погрузить голову под воду даже летним днем в самом спокойном озере. Упав я в эту реку, ни за что бы не выжила.

– Идем, – скомандовал мужчина, который появился из-под пола нашей ванной. Теперь я увидела его целиком, он оказался широкоплечим и коренастым. На нем были высокие сапоги и обычная матерчатая шляпа. – Мы не можем здесь оставаться. – В округлом пространстве его голос прозвучал слишком громко.

Он пошел по выступу, держа перед собой лампу. Несмотря на свое приземистое телосложение, он ловко передвигался по узкой тропинке с легкостью человека, который работал в канализации целыми днями.

– Папа, кто это? – прошептала я.

– Работник канализации, – ответил папа. Мы шли гусь-

ком за рабочим, держась за округлые стены, чтобы не упасть. Туннель бесконечно простирался вперед, в темноту. Я размышляла, почему он решил нам помочь, куда мы направляемся и как он вообще вытащит нас из этого ужасного места. Если не считать журчания воды, вокруг было тихо и глухо. Пугающие крики немцев поутихли, почти исчезли.

Мы добрались до места, где стена туннеля словно прогибалась внутрь, образуя небольшую нишу. Рабочий жестом пригласил нас войти в пространство пошире.

– Отдохните, потом пойдем дальше.

Я нерешительно посмотрела на маленькие черные камни, лежавшие на земле, размышляя, где мы должны были отдохнуть. Мне померещилось, что их поверхность шевелилась. Присмотревшись, я увидела, что это были тысячи крошечных желтых личинок. Я едва удержалась от крика.

Мой отец, по-видимому, не обращая на это внимания, опустился на камни. С глубокими усталыми вздохами он расслабил спину. На мгновение он поднял глаза, и я что-то увидела в них, беспокойство или страх, которые отразились на его лице как никогда раньше. Затем, заметив меня, он простер ко мне руки.

– Иди сюда.

Я лежала у него на коленях, позволяя ему оградить меня от грязной, кишасей личинками земли.

– Я вернусь за вами, когда будет безопасно, – сказал рабочий. Безопасно для чего? Хотелось бы мне спросить. Но

я понимала, что лучше не задавать вопросов человеку, который нас спасает. Он вышел из ниши, прихватив с собой лампу и оставив нас в темноте. Остальные опустились на землю. Никто не проронил ни слова. Мы все еще были под гетто, сообразила я, расслышав немцев сверху. Видимо, уже завершили аресты, но они все еще прочесывали дома в поисках беглецов и, как стервятники, рылись в брошенных людьми скудных пожитках. Я представила, как они обыскивают нашу крошечную комнату. В итоге у нас почти ничего не осталось; мы все продали или оставили, когда переехали в гетто. И все же сама мысль, что люди могут рыться в нашей собственности и что мы больше не имеем права на что-то свое, заставляла меня чувствовать себя ущемленной, недочеловеком.

Все мои страхи и печали вернулись с новой силой.

– Папа, я не уверена, что смогу, – призналась я шепотом.

Отец обнял меня, и я ощутила такое спокойствие и тепло, словно нам удалось вернуться домой. Я уткнулась головой ему в грудь, знакомые запахи мяты и табака успокаивали меня, и я постепенно отстранялась от канализационной вони. Мама устроилась рядом и положила голову ему на плечо. Мои веки отяжелели.

Спустя какое-то время папа пошевелился, разбудив меня. Я открыла глаза и взглянулась в полутьму, рассматривая другие семьи, которые спали неподалеку. Молодой человек из религиозной семьи бодрствовал. Из-под черной шляпы выглядывали мягкие черты лица с небольшой аккуратной бо-

родкой. Его карие глаза поблескивали в темноте. Я аккуратно отодвинулась от папы и осторожно поползла к нему по скользкому полу.

— Вот ведь странная вещь — спать среди совершенно незнакомых людей, — завела я разговор. — Я имею в виду, кто бы мог подумать, что можно здесь оказаться? — Он не ответил, но настороженно взглянул на меня. — Кстати, я Сэди.

— Сол, — сухо ответил он. Я ждала, что он скажет что-нибудь еще. Когда он замолчал, я отползла к родителям. Сол единственный был моим ровесником, но, похоже, дружба его не интересовала.

Спустя какое-то время рабочий вернулся, снова осветив альков своей лампой и разбудив остальных. Он молча показывал жестами, что нам пора идти дальше, поэтому мы с трудом встали и снова выстроились в шеренгу на тропинке вдоль широкой реки.

Через пару минут мы дошли до перехода. Рабочий увел нас с главного канала вправо, в туннель поуже, что простирался дальше от бурлящей канализационной реки. Тропинка вскоре уперлась в бетонную стену. Тупик. Неужели он намеренно заманил нас в какую-то ловушку? Я слышала рассказы о том, как неевреи сдавали своих соседей-евреев полиции, но такой способ выдать нас казался мне странным.

Рабочий с лампой опустился на колени, и я увидела, что ниже на стене располагался небольшой металлический кружок, что-то вроде крышки или колпачка. Он приоткрыл ее,

чтобы показать трубу, и отступил назад. Труба была не больше полметра в диаметре. Разумеется, он не заставит нас туда лезть. Но он выжидающе стоял.

– Это единственный способ, – сказал он с ноткой извинений в голосе, которые больше предназначались моей матери. – Вам надо лечь на живот. Если вы просунете голову и плечи, все остальное пролезет. – Он что-то протянул маме, затем забрался в трубу. Невероятно, но его коренастое тело поместилось. Впрочем, он, верно, проделывал это и раньше. Он скользнул внутрь и через мгновение исчез.

Семья верующих пошла первой, и до меня доносилось их кряхтенье, напряжение, с которым они протискивались внутрь. Затем в трубу забралась семья с маленьким ребенком. Остались только мама, папа и я. Когда настала моя очередь, я опустилась на колени перед трубой, напоминая мне пыльный чердак в нашей старой квартире, где мы со Стефанией играли до войны. Я могла проползти на животе. А как же моя мать?

– Ты следующая, – сообщила мама. Я не решалась, сомневалась, сможет ли она пролезть за мной. – Я пойду следом, – пообещала она, и я поняла, что мне оставалось только поверить ей.

Папа подтолкнул меня, и я стала лезть, пытаясь не обращать внимания на струйку влажной воды на дне, которая неприятно мочила одежду. Труба зажала меня тисками, заключая в водянистую могилу. Внезапно парализованная

приступом страха, я замерла, не в силах ни пошевелиться, ни дышать. «Иди, иди», – услышала я незнакомый голос с того конца и поняла, что должна двигаться дальше, иначе точно умру здесь. Длина трубы была около десяти метров, и когда я добралась до конца и забралась на другой выступ, я развернулась и прислушалась. Папа, конечно, был слишком большим, чтобы пролезть через нее, да и мама в ее нынешнем положении – тоже. При мысли, что я могу остаться одна на этой стороне без них, я запаниковала.

Прошло пять минут, но из трубы никто не появился. Рабочий поднял с земли веревку и пропустил ее через трубу, проползая часть пути, чтобы она прошла насквозь. Он начал аккуратно вытягивать ее, останавливаясь каждые несколько секунд. Через трубу слышались слабые мамины стоны. Наконец она и сама появилась – обвязанная веревкой, покрытая какой-то смазкой, которую, скорее всего, дал ей рабочий, чтобы она проскользнула. Действенный способ, но безжалостный. В своем почерневшем платье и с растрепанными волосами она выглядела совсем не так элегантно, как обычно, и когда незнакомец помог ей вылезти, она не поднимала глаз. За ней последовал папа, он протиснулся сквозь трубу благодаря силе воли. Я никогда в жизни не была так рада его появлению.

Но мое облегчение длилось недолго. В том самом месте, где мы вышли из трубы, прямо над нашими головами оказалась канализационная решетка. Было ясно, что мы все еще

находимся под гетто, мы слышали голоса немцев, похожие на те, что подняли нас с кроватей пару часов назад, они снова выкрикивали приказы. Луч фонарика заскользил по краю крышки люка и упал вниз.

– Нам нужно идти дальше, – шепнул рабочий.

Мы последовали за ним из малого туннеля, где вышли из трубы, обратно в главный туннель с широкими, стремительными водами канализационной реки. Бетонный выступ исчез, и нам пришлось идти по каменистому берегу канализации, ступая в паре сантиметров от воды. Камни были скользкими и покатыми, и с каждым шагом я боялась упасть в реку. Что-то острое под водой проткнуло ботинок и впилося в ногу. Я схватилась за нее, борясь с желанием закричать. Мне хотелось остановиться и проверить рану, но рабочий заторопился, и мне показалось, что если мы замедлимся, то останемся позади навсегда.

Мы подошли к перекрестку, где река со сточными водами, по которой мы шли, пересекалась с другим потоком воды, таким же яростным и большим. Журчание канализационной воды переросло в рев.

– Будьте осторожны, – предупредил рабочий. – Мы должны перейти здесь. – Он указал на ряд досок, хлипко соединенных между собой наподобие моста над бурлящей водой.

При мысли, что нужно пересечь реку, у меня от страха перехватило дыхание. Папа сзади положил мне руку на плечо.

– Сэди, не бойся. Помнишь, как мы переходили озеро

Крыспинув? По камешкам. Тут то же самое.

Я хотела возразить, что вода в озере Крыспинув, где мы часто устраивали летом пикники, была приятной и спокойной, там плавали рыбы и головастики – а не кишела грязь всего города.

Папа подтолкнул меня вперед, и мне ничего не оставалось, как последовать за мамой, которая, несмотря на свой округлившийся живот, стала переходить по доскам со своей обычной грацией, будто играла в классики. Я встала на доску. Нога соскользнула, но протянутая папина рука поддерживала меня.

Я обернулась.

– Папа, это безумие! – воскликнула я. – Должен же быть другой путь!

– Милая, это единственный путь. – Он говорил спокойно, с невозмутимым выражением лица. Вечно оберегавший меня папа верил, что я справлюсь.

Я глубоко вздохнула, повернулась и снова двинулась вперед. Я прошла одну доску, затем еще одну. И оказалась посередине реки, далеко от обоих берегов. Пути назад не было.

Я сделала еще один шаг. Доска под ногой не выдержала и выскользнула передо мной.

– На помощь! – закричала я, и крик эхом разлетелся по туннелю.

Папа наклонился вперед, чтобы поддержать меня. При этом он выпустил из рук маленькую сумку, что собрала нам

мама. В сумке лежало то небольшое, что у нас осталось в этом мире, и казалось, она медленно плыла по воздуху, паря над водой. Папа пытался поймать ее до того, как она плюхнулась в воду. Ему удалось это сделать, и он кинул ее мне, затем попытался выпрямиться, но не справился и потерял равновесие.

– Папа! – крикнула я, когда он с громким всплеском упал в темную канализационную воду. Рабочий развернулся и бросился на доски, оттаскивая меня в безопасное место. Затем он попытался достать отца. Но когда его рука приблизилась к папиной, сильное течение подхватило его и затянуло под воду. С другого берега донесся вопль матери.

Папа показался снова. Он возник, как феникс, весь его торс и большая часть ног поднялись над водой, бросая ей вызов. Я замерла в надежде. Он сейчас выберется. Но затем, казалось, вода схватила его, словно гигантская рука протянулась, чтобы унести папу. Она утащила его разом, голову и все тело, в ледяную темень. Я затаила дыхание, ожидая, что он появится вновь и даст отпор. Но поверхность реки осталась нетронутой. Пузырьки воздуха, что папа оставил позади, растворились в потоке, а затем он и сам исчез.

Сэди

Пораженные, мы всматривались в непрерывный поток канализационной реки.

– Папа! – снова крикнула я. Мать издала низкий гортанный звук и попыталась броситься в воду вслед за ним, но рабочий удержал ее.

– Ждите здесь, – велел он, удаляясь по тропинке и следуя за течением. Я схватила маму за руку, чтобы она снова не прыгнула в воду.

– Он сильный мужчина, – предположил Сол. И хотя он решил нас успокоить, я разозлилась: откуда ему знать?

– И хороший пловец, – от отчаяния согласилась мама. – Он может выжить. – Хотела бы и я цепляться за надежду так же сильно, как она. Но вспомнив, как его, словно тряпичную куклу, швыряло течением, я поняла, что даже папа с его уверенной греблей не одолеет течение реки.

Мама и я несколько минут жались друг к другу в безмолвии, оцепеневшие, не в силах поверить в случившееся. Рабочий вернулся с мрачным лицом.

– Он попал под обломки. Я пытался освободить его, но

было уже слишком поздно. Мне очень жаль, но боюсь уже ничего поделать нельзя.

– Нет! – закричала я, и мой голос разнесся эхом по туннелю, похожему на пещеру. И прежде чем я снова открыла рот, рука матери зажала его, ее кожа ощущалась на губах смесью мерзкой канализационной воды с солеными слезами. Я рыдала, уткнувшись в ее теплую грязную ладонь. Всего пару минут назад папа был здесь, не позволив мне упасть с доски. Не потянись он ко мне, он до сих пор бы был жив.

Через секунду мама отпустила меня.

– Он умер, – проговорила я.

Словно маленький ребенок, я прижалась к ней. Мой отец, добрый великан, мой защитник, мой собеседник и самый близкий друг. Мой мир. Но сточные воды канализации унесли его, как груды мусора.

– Я знаю, я знаю, – прошептала мама сквозь слезы. – Но мы должны вести себя тихо, иначе тоже умрем. Если будем шуметь, то нас может обнаружить полиция на улице, наверху, а никто из нас не хочет подвергаться такому риску. – Мама прислонилась к стене подземки, выглядела она беспомощной и слабой. Наш побег – целиком папина идея, как мы обойдемся без него?

Сол шагнул ко мне, его карие глаза смотрели серьезно.

– Я сожалею о твоей утрате. – Теперь его голос звучал дружелюбнее, чем в прошлый раз, когда я пыталась заговорить. Но это больше не имело значения. Он прикоснулся к полям

своей шляпы, а затем снова придвинулся ближе к отцу.

– Нам пора идти, – сказал рабочий.

Я упрямо стояла, отказываясь двигаться.

– Мы не можем оставить его. – Я понимала, что папу утащило вниз по течению, но все же в глубине души верила, что если останусь стоять прямо здесь, на том же самом месте, где он исчез, он вынырнет, и все будет так, словно ничего и не случилось. Я протянула руку, желая, чтобы время остановилось. Только что папа был здесь, позади меня, живой, осязаемый. Теперь его нет, лишь неподвижная пустота.

– Папа мертв, – сказала я, и эта реальность болезненно пронзила меня глубоко внутри.

– Но я здесь. – Мама обхватила мое лицо руками, вынуждая посмотреть ей в глаза. – Я здесь и никогда тебя не оставлю.

Рабочий подошел и опустился передо мной на колени.

– Меня зовут Павел, – тепло сказал он. – Я знал твоего отца, он был хорошим человеком. Он доверил мне спасение ваших жизней и хотел бы, чтобы мы шли дальше.

Он встал, развернулся и пошел, уводя остальных по тропинке. Мама выпрямилась, казалось, его слова укрепили ее дух. Ее округлый живот выпирал еще больше.

– Мы как-нибудь справимся с этим.

Я смотрела на нее с недоверием. Как она могла даже подумать – не говоря уже о том, чтобы поверить, что сейчас, когда мы все потеряли, все хорошо? На секунду я задумалась

– не сошла ли я с ума? Но в ее словах слышалась спокойная уверенность, которую мне почему-то нужно было услышать.

– С нами все будет хорошо.

Мама начала подталкивать меня.

– Давай. – Несмотря на свой рост и хрупкую внешность, она всегда была такой обманчиво крепкой и теперь подталкивала меня с такой силой, что я боялась: если буду сопротивляться, то тоже соскользну в воду и утону. – Нам надо поторопиться.

Она была права. Остальные продолжали идти без нас и оказались на пару метров впереди. Мы должны были следовать за ними, иначе останемся одни в этом пугающем темном туннеле. Но когда я испуганно глянула в темную бурлящую реку, протекавшую вдоль тропинки, меня снова охватила тревога. Я всегда боялась воды, и теперь эти страхи казались обоснованными. Если папа, отличный пловец, не смог справиться с мутным течением, то каковы мои шансы?

Я посмотрела на темную дорогу впереди. Я ни за что не смогу перейти.

– Иди, – повторила мама, теперь ее голос зазвучал мягче. – Представь, что ты принцесса-воин, а я твоя мать, великая королева. Мы отправляемся из залов Вавельского замка в подземелье, чтобы убить дракона Смока. – Она обратилась к выдуманной детской игре, в которую мы играли в детстве. Я была слишком взрослой для таких детских манипуляций, и воспоминание об играх, в которые я чаще всего играла с

отцом, накрыло меня новой волной сожалений. Но способность моей матери держать лицо в любой ситуации была одной из вещей, которую я ценила в ней больше всего, и ее желание подбодрить даже в такую минуту напомнило мне, что у нас общее горе.

Мы нагнали остальных и продолжили идти по канализационной тропе, которая все никак не заканчивалась. Впереди шел рабочий Павел, за ним следовала молодая пара, а затем религиозная семья со старухой, которая, несмотря на свои девяносто лет, двигалась с удивительной скоростью. Скорее всего, мы уже приближаемся к окраине города, думала я. Наверное, впереди будет какой-то выход на свободу, может быть, в лес за городом, где, по слухам прятались евреи. Мне не терпелось еще разок вдохнуть свежего воздуха. Павел повел нас вправо, в ответвление главного туннеля, он был поуже, и тропинка, казалось, пошла вверх, словно мы приближались к выходу. Сердце радостно забилося, когда я представила, как ощущаю утренний солнечный свет на лице и навсегда покидаю канализацию. Павел снова повернул, на этот раз налево, и повел нас в бетонную комнату без окон и других источников света. Она была где-то четыре на четыре метра, меньше, чем однокомнатная квартира, где мы жили с родителями в гетто. Грязные воды плескались у покато-го входа, словно волны на берегу. Кто-то положил несколько узких досок поверх шлакоблоков, чтобы получились скамейки, а в углу стояла ржавая дровяная печь. Все выглядело

так, будто нас здесь ждали.

– Здесь вы будете прятаться, – подтвердил Павел. Он обвел комнату рукой. Тогда я поняла, что Павел вел нас по канализационным трубам не для того, чтобы мы где-то вышли. Канализация была тем самым «где-то».

– Здесь? – переспросила я, забыв о мамином предупреждении вести себя тихо. Все головы повернулись ко мне. Павел кивнул. – Как долго? – Я не могла представить, что проведу в канализации хоть час.

– Я не понимаю, – ответил он.

Мама откашлялась.

– Думаю, моя дочь спрашивает, куда мы отправимся потом?

– Дураки, – огрызнулась старуха. Впервые я услышала ее голос. – Мы *уже* пришли.

Я недоверчиво посмотрела на мать.

– Мы будем жить здесь? – У меня закружилась голова. Мы могли бы продержаться здесь несколько часов, может быть, ночь. Когда папа заставил меня спуститься через дыру в канализацию, я думала, что мы всего лишь переходим в безопасное место. И пока мы пробирались сквозь грязь и отчаяние, я твердила себе, что нужно идти. А путь, напротив, оказался пунктом назначения. Несмотря на все свои жуткие кошмары, я и представить не могла, что мы останемся в канализации.

– Навсегда? – спросила я.

– Нет, не навсегда, но... – Павел робко взглянул на маму. Людям, пережившим войну, было нелегко говорить о будущем. Затем он снова посмотрел, на этот раз мне в глаза. – Когда мы планировали побег, мы думали, что выведем вас через туннель, что заканчивается у реки. – По тому, как дрогнул его голос, я поняла, что под «мы» подразумевался мой отец. – Только теперь немцы охраняют этот выход. Если мы пойдем дальше вперед, нас расстреляют. – И если мы вернемся в гетто, будет то же самое, подумала я. Мы оказались в ловушке. – Это самое безопасное место. Ваша единственная надежда, – с мольбой в голосе произнес он. – Другого выхода из канализации нет, а даже если бы и был, на улицах сейчас слишком опасно. Все хорошо? – спросил он, будто нуждаясь в моем согласии. Будто бы у меня был выбор. Я не ответила. Я не могла представить себе, что соглашусь на такое. И все же папа не привел бы нас сюда, если бы не верил, что это единственный выход, наш единственный шанс на спасение. Наконец я кивнула.

– Мы не можем оставаться здесь, – раздался голос позади меня. Я обернулась. На другом конце комнаты молодая женщина с малышом разговаривала со своим мужем, поддерживая мое возмущение. – Нам обещали выход. Мы не можем здесь оставаться.

– Выйти невозможно, – терпеливо сказал Павел, как будто он только что не объяснял. – Немцы охраняют выход из туннеля.

– Другого выбора нет, – согласился ее муж.

Но женщина забрала сына у мужа и направилась к выходу из комнаты. – Впереди есть выход, я знаю, – упрямо настаивала она, протискиваясь мимо Павла и направляясь в противоположную сторону, откуда мы пришли.

– Прошу, – взмолился Павел. – Вы не должны уходить. Это небезопасно. Подумайте о своем сыне. – Но женщина не остановилась, и ее муж последовал за ней. Вдалеке я слышала, как они все еще спорили.

– Стойте! – тихо позвал Павел у входа в комнату. Но сам за ними не пошел. Он должен был защищать нас всех – в том числе и себя.

– Что с ними будет? – спросила я вслух. Никто не ответил. Голоса пары стихли. Я представила, как они идут к тому месту, где канализация встречается с рекой. Где-то глубоко, я хотела бы сбежать вместе с ними.

Через несколько минут раздался звук, похожий на хлопнувшей двери. Я подпрыгнула. Хотя я несколько раз слышала выстрелы в гетто, но так и не привыкла к этому звуку. Я повернулась к Павлу.

– Вы думаете?..

Он пожал плечами, не зная, стреляли ли в сбежавшую семью или на улице, выше. Но голоса в канализации смолкли. Я придвинулась ближе к маме.

– Все будет хорошо, – успокаивала она.

– Как ты можешь такое говорить? – возмутилась я. «Хо-

рошо» – самое неподходящее описание того ада, где мы оказались.

– Мы пробуем здесь несколько дней, может неделю.

Мне хотелось верить ее словам.

У входа прошмыгнула крыса, оглядев нас – не со страхом, а с презрением. Я взвизгнула, и остальные уставились на меня – я была чересчур громкой.

– Шепотом, – мягко сказала мама. Как она могла быть такой спокойной, когда папа умер, а крысы смотрели на нас сверху вниз?

– Мама, тут крысы. Мы не можем здесь оставаться! – Мысль о том, что мы должны остаться среди них, была невыносимой. – Мы должны уходить, сейчас же! – Мой голос перерос в истерику.

Ко мне подошел Павел.

– Пути назад нет. Выхода нет. Теперь это твой мир. Ты должна смириться с этим ради себя, ради своей матери и ребенка, которого она носит. – Он смотрел мне прямо в глаза. Я кивнула. – Это единственный выход.

Позади него, в туннеле, за выходом, все еще стояла крыса, вызывающе глядя на нас, словно празднуя победу. Я никогда не любила кошек. Но, ох, как бы я хотела, чтобы та старая полосатая кошка, гулявшая в переулке за нашей квартирой, сейчас схватила это существо!

Мама повернулась к Павлу.

– Нам потребуется много карбида и, разумеется, спички. –

Она говорила спокойно, будто смирилась с нашей судьбой и попыталась извлечь из нее максимум пользы. Мне показалось, что она должна была спросить и сказать «пожалуйста». Но она говорила тем особенным, уверенным тоном, который пускала в ход в тех случаях, когда хотела, чтобы люди поступали в ее интересах.

– Они будут у вас. Дальше по тропинке идет труба, оттуда можно набрать пресной воды. – Теперь Павел заговорил ласково, пытаясь успокоить нас. Затем он неловко потоптался. – У вас есть деньги?

Мама замаялась. Она понятия не имела, договорился ли папа об оплате и какой была сумма. И большая часть денег, что мы взяли с собой, наверняка осталась на дне канализационной реки вместе с папой. Она сунула руку под платье и протянула смятую банкноту. Судя по лицу Павла, это было меньше обещанного. Что же будет, если мы не сможем заплатить ему?

– Я знаю, это немного. – Мама умоляюще смотрела на него, надеясь, чтобы этого хватило. Наконец он взял деньги. Религиозный человек, стоявший в углу со своей семьей, тоже передал Павлу немного денег.

– Я буду приносить еду так часто, как смогу, – пообещал Павел.

– Спасибо. – Мама посмотрела через его плечо на другую семью. – Думаю, мы не были должным образом представлены друг другу. – Она прошла через комнату. – Я Данута

Голт, – сказала она, протягивая руку отцу семейства.

Он не пожал ее, но формально кивнул, как при встрече на улице.

– Мейер Розенберг. – У него была борода с проседью и желтизной табачных пятен вокруг рта, но глаза были добрые, а голос теплый и мелодичный. – Это моя мать Эстер, мой сын Сол. – Я посмотрела на Сола, и он улыбнулся в ответ.

– Все зовут меня Баббе, – вмешалась старуха своим хриплым голосом. Казалось странным называть таким домашним именем женщину, с которой мы только что познакомились.

– Рада знакомству, Баббе, – ответила моя мать, уважая пожелания старухи. – И с вами, пан Розенберг, – добавила она, употребив более официальное польское обращение. Затем снова повернулась ко мне. – Я здесь со своим мужем... То есть... – Казалось, она на секунду забыла, что папы больше с нами нет. – То есть была с мужем. Это моя дочь, Сэди.

– А та, другая семья, – не могла не спросить я. – Та, что с маленьким мальчиком. Что с ними случилось?

В глубине душе я не хотела знать. Мне приятнее было думать, что они выбрались на улицу и нашли убежище. Но я никогда не умела притворяться или отводить взгляд. Мне нужно было знать.

Перед ответом Павел неуверенно посмотрел поверх моей головы на маму, будто спрашивая, должен ли он мне лгать.

– Я не знаю точно. Но скорее всего, их убили у истока реки, – сказал он наконец. Выстрел, вспомнила я стрельбу.

Нас бы тоже убили, если бы мы пошли этим путем. – Теперь вы понимаете, почему важно, чтобы вы сидели здесь молча и тихо.

– Но как мы сможем здесь остаться? – требовательно спросила Баббе Розенберг. – Ведь понятно, что теперь, когда поймали других, немцы знают, что здесь есть люди, и придут с обыском. – Сол подошел к бабушке поближе и положил ей руку на плечо, словно собираясь успокоить.

– Может быть, – спокойно сказал Павел, не собираясь врать ради нашего спокойствия. – Когда я оставил вас здесь и вышел на улицу, я заметил у одной из решеток пару немцев. Я сказал им, что внизу крысы, чтобы они не спускались. Они хотели прислать польскую полицию, чтобы те посмотрели вместо них, но я сказал им, что здесь никто не сможет выжить.

Я подумала, что, может быть, это и правда.

– Но все же в какой-то степени они будут следить за канализацией, – серьезно сказал Сол, впервые открыв рот. Его лоб тревожно наморщился.

Павел мрачно кивнул:

– И когда они решат проверить ее, мне придется их привести. – Группа ответила чередой вздохов. Неужели он все-таки нас предаст? – Я поведу их по другим туннелям, чтобы они вас не видели. Если они будут настаивать на этом маршруте, я обрисую фонарем перед собой широкий круг, чтобы у вас было время спрятаться.

Оглядывая пустую комнату, я не представляла, где именно.

– Мне пора идти, – сказал Павел. – Если я не появлюсь на работе, у бригадира будут вопросы.

Должно быть, уже утро, решила я, хотя свет сюда не доходил. Он порылся глубоко в кармане и вытащил завернутый в бумагу сверток. Он развернул его, и показалось какое-то мясо, которое он разломил на две половинки, затем передал один кусок матери, а другой пану Розенбергу, разделив скудный паек между двумя нашими семьями.

– Это *голонка*, – прошептала мама. – Свиная рулька. Съешь ее. – И хотя раньше я никогда не пробовала ее, у меня заурчало в животе.

Но пан Розенберг посмотрел на предложенное Павлом мясо и недовольно поморщился.

– Это *трайф*, – сказал он с отвращением, при мысли о том, чтобы съесть что-то некошерное. – Мы не можем есть это.

– Сожалею, но за такое короткое время я смог только это раздобыть, – ответил Павел с искренним раскаянием в голосе. Он протянул ему еще раз, но пан Розенберг отмахнулся.

– Возьми хотя бы для матери и сына, – предпринял очередную попытку Павел. – Боюсь, что в ближайшие день-два ничего больше не будет.

– Нет, категорически.

Павел пожал плечами и дал маме лишнее мясо. Она замя-

лась, разрываясь между желанием накормить нас и нежеланием брать больше положенного.

– Если вы уверены...

– Это не должно пропасть даром, – сказал он. Мама взяла маленький кусочек свинины для себя, а остальное отдала мне. Торопясь, я проглотила его, пока пан Розенберг не передумал, стараясь не обращать внимания на злобные глаза его сына. Старуха держалась ближе к своей семье, не жалуюсь, но я виновато думала, что наверняка она бы не отказалась. Я смотрела на Розенбергов в их непривычной темной одежде. Что они сделали, чтобы заслужить спасительную милость от работника канализации? Они так отличались от нас. И все же нам придется здесь вместе жить. Мы были избавлены от необходимости делить квартиру в гетто. Но теперь наша единственная надежда – прятаться в этом крохотном пространстве с этими незнакомцами.

А потом Павел ушел, оставив нас одних в комнате.

– Сюда, – позвала Мама, указывая на одну из скамеек. Она показала на место, такое грязное и мокрое, что еще вчера отругала бы меня за то, что я там сижу.

Когда я села, моя нога запульсировала, напоминая о свежей ране.

– Я порезала ногу, – призналась я, хотя казалось глупым упоминать об этом в свете всего произошедшего. Мама присела передо мной, и без того грязный подол ее юбки опустился в вонючую воду. Она подняла мою правую ногу и, вы-

нув ее из промокшего ботинка, обтерла сухим куском своего платья. – Ноги должны быть сухими. – Я не понимала, как она может думать о таких вещах в это время.

Она потянулась за сумкой, которую папа бросил мне перед тем, как упал в воду. Что было в сумке, за которую отец заплатил своей жизнью? Мама открыла ее. Лекарства и бинты, бело-голубое детское одеяло и запасная пара носков для меня. Я сжалась в маленький комочек, вновь опустошенная горем.

– Носки, – медленно проговорила я страдальческим голосом, не веря в это. – Папа умер из-за пары носков.

– Нет, – сказала мама. – Он умер, чтобы спасти тебя. – Она притянула меня ближе. – Я знаю, это трудно, – прошептала она, ее глаза блестели от слез. – Но мы должны делать все возможное, чтобы выжить. Именно этого он бы хотел. Понимаешь? – У нее было стальное, решительное выражение лица, которого я никогда раньше не видела. Она наклонила голову к моей, и я почувствовала, что мягкие завитки волос вокруг ее уха все еще пахли водой с корицей, которую она нанесла накануне после мытья. Мне было интересно, как долго мы здесь пробудем, прежде чем этот восхитительный аромат исчезнет.

– Я понимаю. – Я позволила ей смазать мне ногу мазью, затем надела чистую пару носков, что она мне вручила. Когда я наклонилась, то заметила на своем рукаве повязку с голубой звездой, которую заставляли нас носить немцы, чтобы

обозначить как евреев. – По крайней мере, нам это больше не нужно. – Я потянула за повязку, и ткань затрещала, радуя меня.

Мама улыбнулась.

– Вот она, моя девочка, всегда видит светлую сторону.

Она последовала моему примеру и сорвала собственную повязку, затем удовлетворенно хихикнула.

Когда мать подошла, чтобы закрыть сумку, что-то маленькое и металлическое выпало из нее на канализационный пол. Я поспешила поднять этот предмет. Это была золотая цепочка с кулоном, где было выгравировано еврейское слова «чай», или жизнь – ее мой отец всегда носил под рубашкой. Мужчины обычно не носят украшения, но кулон подарили отцу его родители на бар-мицву. Я считала, что он утонул в нем и тот затерялся в канализационной реке, но, видимо, он снял его перед нашим побегом. Теперь цепочка была здесь, с нами.

Я протянула его матери. Но она помотала головой.

– Он бы хотел, чтобы ты носила его. – Она застегнула застежку у меня на шее, и «чай» оказался у меня на груди, у сердца.

Снаружи послышался грохот. Мы поднялись, как по тревоге. Неужели немцы пришли так быстро? Но это в очередной раз был Павел.

– Свет, – указал он на одинокую карбидную лампу, свисавшую с крюка. – С улицы виден пар от лампы. Вы должны

погасить ее. — Мы нехотя отказались от нашего единственного источника света, и канализация снова стала темной и холодной.

5

Элла

Апрель 1943 года

Весна в Краков всегда не торопилась, как сонный ребенок, не желающий вставать с постели школьным утром. Казалось, в этом году она вообще может не наступить. Грязный снег все еще лежал у моста, когда я шла из центра города в Дебники, промышленный район на южном берегу Вислы. Было зябко, дул резкий ветер. Словно сама мать-природа восстала против оккупации нацистами, что тянулась уже четвертый год.

Этим субботним утром я не ожидала оказаться с поручением в этой отдаленной части города. Час назад я сидела в своей комнате и писала письмо брату Мачею. Он прожил в Париже почти десять лет, и хотя у меня не было возможности навестить его, благодаря пляшущему почерку его писем с подробным описанием, полным сарказма и острот, город оживал. Я ответила ему, описав все в самых общих чертах, помня о том, что наши письма могут прочитать другие. «Со-

колиха на охоте», написала я однажды. Этим прозвищем мы стали называть Анну-Люсию за ее любовь носить шкуры животных, «на охоте» – так мы обозначали те периоды, когда она была особенно невыносима. *Приезжай в Париж*, призывал он в своем последнем письме, и я улыбнулась, услышав, как его новоприобретенный французский друг проскочил в его словах. *Мы с Филиппом будем очень рады тебе*. Как будто это было так просто. Путешествовать сейчас почти невозможно, но есть вероятность, что когда закончится война, он пошлет за мной. Мачехе было бы все равно, если бы я уехала, главное, чтобы поездка ей ничего не стоила.

Я только закончила запечатывать письмо кусочком воска, когда услышала шум внизу, на кухне. Анна-Люсия кричала на нашу горничную Ханну. Бедная Ханна часто служила основной мишенью для гнева мачехи. Когда-то у нас было четверо штатных слуг. Но война предполагала жертвы, а в мире мачехи это значило довольствоваться одной служанкой. Ханна была нашей горничной, крошечной беспризорной девушкой из деревни, без собственной семьи – единственная из всех, кто взял на себя труд всего домашнего персонала, храбро справляясь с обязанностями экономки, дворецкого, садовника и повара одновременно, потому что ей больше некуда было идти.

Мне стало интересно, на что сегодня разгневалась мачеха. Спустившись, я узнала, что дело в вишне.

– Я пообещала гауптштурмфюреру Краусу лучший виш-

невый пирог в Кракове на десерт сегодня вечером. Только у нас нет вишни! – Щеки Анны-Люсии пылали от гнева, будто она только что вышла из ванной.

– Извините, госпожа, – оправдывалась Ханна. Взволнованное выражение застыло на ее рябом лице. – Сейчас не сезон.

– И что? – Бытовые аспекты Анна-Люсия упустила из виду. Она хотела того, чего хотела.

– Может быть, подойдут сушеные вишни, – предложила я свою помощь. – Или консервированные.

Анна-Люсия повернулась ко мне, и я ждала, что она сразу отвергнет мое предложение, как всегда делала.

– Да, подойдут, – протянула она, словно удивляясь, что у меня появилась разумная мысль.

Ханна покачала головой.

– Я пробовала купить. Их нет на рынке.

– Тогда идите на другие рынки! – взорвалась Анна-Люсия. Я боялась, что мое предложение, хотя и было сделано с благими намерениями, только усугубило положение бедной девушки.

– Но нужно приготовить жаркое... – беспомощно, с ужасом в голосе проговорила Ханна.

– Я пойду, – вмешалась я. Они обе удивленно уставились на меня. Дело было не в том, что я хотела помочь мачехе утолить аппетит какой-то нацистской свиньи. Напротив, я бы скорее запихнула вишни ему в глотку со всеми косточками.

Но мне было скучно. И я хотела зайти на почту, чтобы опра-
вить Мачею письмо, поэтому могла все совместить.

Я ждала возражений от мачехи, но она промолчала. Вме-
сто этого вручила мне горсть монет, мерзких рейхсмарок, ко-
торые заменили нам польский злотый.

– Я слышала, что в Дебниках продается вишня, – сказала
Ханна, ее голос был полон благодарности.

– Через реку? – спросила я. Ханна кивнула, умоляя меня
взглядом не менять решения. Дебники, район на другой сто-
роне Вислы, находился по меньшей мере в тридцати мину-
тах езды на трамвае, а пешком еще дольше. Я не собиралась
уходить так далеко. Но я уже пообещала, и я не могла бро-
сить Ханну на растерзание мачехе во второй раз.

– Пирог должен быть в духовке к трем, – надменно сказала
Анна-Люсия вместо благодарности.

Я надела пальто и перед выходом из дома взяла маленькую
корзинку, с которой часто ходила за покупками. Я могла бы
поехать на трамвае, но была рада бодрящему воздуху и воз-
можности размять ноги. Я шла по улице Гроздка на юг, пока
не добралась до Плантов и пересекла ныне увядшую поло-
су парковой зоны, окружавшей центр города. Мой маршрут
из Плантов, простирающихся на юг, к реке, вел меня вдоль
окраины Казимежа, района на юго-востоке, где когда-то раз-
мещался Еврейский квартал. Я редко была в Казимеже, он
всегда казался мне экзотическим и чужим с его мужчинами,
одетыми в высокие темные шляпы и еврейскими буквами на

витринах магазинов. Я прошла мимо того, что когда-то было пекарней, и почти ощутила запах халы², которую они пекли. Теперь все это исчезло – с тех пор, как немцы согнали евреев в гетто в Подгуже. Магазины были заброшены, стеклянные витрины разбиты или закрыты ставнями. Синагоги, веками заполненные молящимися по субботам, теперь стояли пустые и безмолвные.

Я тревожно промчалась мимо города-призрака и теперь стояла у моста, перекинутого через широкий участок Вислы. Река отделяла центр города и Казимеж от районов Дебники и Подгуже на юге. Я оглянулась на громадину Вавельского замка. Когда-то он был резиденцией польских монархов, которые управляли городом почти тысячу лет. Как и все остальное, теперь он принадлежал правительству и был занят немцами, там располагалась резиденция их администрации.

Сейчас, глядя на замок, я вспомнила ночь после вторжения, когда я отправилась на прогулку. Добравшись до высокой набережной, я увидела лодки, теснившиеся возле замка. Из замка вытаскивали большие ящики и грузили по пандусу в лодку, а те, что потяжелее, катили на колесах. Ограбление – разыгралось мое детское воображение. Я представила, как вызываю полицию, как меня чествуют как героя за сорванный план. Однако люди, забиравшие вещи, не были похожи

---

² Хала – еврейский традиционный хлеб, который едят в Шаббат или на праздники.

на преступников. Это были сотрудники музея, которые тайком выносили наши национальные сокровища из замка, чтобы их спасти. Но от чего? От ограбления? От воздушных налетов? Картины спасали, а жителей оставляли на произвол той судьбы, которая ждала нас при немцах. Тогда я осознала, что ничто уже не будет как раньше.

По ту сторону моста располагались Дебники, соседний район, где Ханна советовала купить вишен. Его горизонт выглядел смесью фабрик и складов, другим миром, отличным от величественных костелов и шпилей в центре города. Я остановилась на Замковой улице, недалеко от реки, чтобы сориентироваться. Раньше я не бывала в Дебниках одна, и до сих пор мне не приходило в голову, что я могу заблудиться. Я колебалась, глядя на низкое здание на углу, откуда грузили ящики на баржу, пришвартованную у реки. Не самое подходящее место для того, чтобы спрашивать дорогу. Но прохожих, к которым я могла обратиться, не было, поэтому это казалось мне лучшим вариантом, если я хотела добраться до рынка вовремя, чтобы купить вишен и спасти Ханну. Я собралась с духом и направилась к курящим у погрузочной платформы мужчинам.

– Прошу прощения, – начала я и по их вытянувшимся лицам поняла, насколько я здесь неуместна.

– Элла? – Я удивилась, услышав собственное имя. Я обернулась и увидела знакомое лицо: отец Крыса. Высокий лоб и глубоко посаженные глаза – точная копия своего сына. Крыс

вырос в рабочем районе Дебники. Его отец был портовым грузчиком, и его семья была нам совсем не ровня, как не раз напоминала мне Анна-Люсия. Я была в доме Крыса всего несколько раз, чтобы познакомиться с его родителями. Хотя он никогда бы мне в этом не признался, отчасти он смутился, когда показал мне скромный дом на обычной улице, где вырос. Однако искренняя теплота его семьи и то, как мать души не чаяла в своей «деточке», хотя он был рослым двадцатилетним парнем, возвышавшимся над ней почти на тридцать сантиметров, покорили меня. Мне нравилось проводить время в их доме, где мне были всегда рады, как в родном, теперь уже холодном.

Конечно, их дом и сейчас был на месте. Родители Крыса отправили на войну троих сыновей, двух старших убили, а третий пропал без вести. Его отец выглядел старше, чем я помнила: морщины на лице залегли глубже, широкие плечи сутулились, волосы поседели. Я почувствовала себя виноватой. Несмотря на то, что я не была близка с родителями Крыса, мне следовало бы провести их в его отсутствие.

Но его отец ни в чем меня не упрекнул, когда шагнул ко мне, глядя тепло и озадаченно.

– Элла, что ты здесь делаешь? – Я начала спрашивать у него направление. – Если ты ищешь Крыса, он скоро вернется, – добавил он.

– Вернется? – Я повторила это слово, уверенная, что неправильно его расслышала. Получил ли он весточку от

Крыса? У меня сердце замерло. – С войны?

– Нет, с обеда. Будет в течение часа.

– Простите, я не понимаю. Крыс же до сих пор на войне. – Я озадачилась, не напутал ли его отец, не сыграла ли утрата злую шутку с его разумом.

Но он смотрел ясными глазами.

– Нет, он вернулся две недели назад. Работает здесь, со мной, – сказал он уверенным, спокойным голосом, не оставляющим сомнений. Я застыла от изумления. Крыс вернулся. – Прости, – замялся отец Крыса, – я думал, ты знаешь.

Нет, я не знала.

– Пожалуйста, скажите, где я могу его найти?

– Он сказал, что идет по делам. Думаю, отправился в кафе на Барской, то самое, куда часто забегал до войны. – Он показал на улицу, что вела прочь от реки. – Вторая улица справа. Возможно, он там.

– Спасибо. – С роем мыслей в голове я направилась в сторону кафе. Крыс вернулся. Отчасти я ликовала. Пройти еще немного, и через пару минут я его увижу. Но человек, за которого я собиралась замуж, вернулся с войны – и не потрудился сообщить об этом. Полагаю, в этом был смысл; в конце концов, он порвал со мной перед отъездом. Я была просто девушкой из прошлого, мелькнула запоздалая мысль. И все же не сказать мне, что он вернулся, что теперь он в безопасности, по-прежнему заставляя меня волноваться и переживать, было возмутительно. Я обдумывала, что предпринять:

пойти за ним или ничего не делать. Если он не встретился со мной сам, я не опущусь до того, чтобы волочиться за ним. Но мне нужно выяснить, что случилось, почему он не вернулся ко мне. Отбросим приличия. Я направилась к кафе.

Улица Барска, куда послал меня отец Крыса, находилась недалеко от центра района Дебники. Минувя окрестности, я заметила, что здешние дома теснились друг к другу, их фасады покрывали рябые пятна и копоть. Вскоре я добралась до кафе. Это был не какой-нибудь изысканный ресторан на рыночной площади, а рядовое кафе, где люди брали чашку черного эрзац-кофе, крендель с маком или булку со сладким сыром перед тем, как вернуться к работе. Я оглядела посетителей, стоявших вокруг нескольких столов у дальнего окна. За последние несколько лет я представляла Крыса бесчисленное количество раз. Иногда мне даже казалось, что я мельком видела его в троллейбусе или в оживленной толпе. Конечно же, в реальности это был не он. Здесь я тоже не видела Крыса и подумала, не ошибся ли его отец. Или, может Крыс был здесь, а я его упустила. Я зашла в кафе, и в нос ударил аромат кофе и сигаретный дым. Я пробиралась между тесно расставленными столами. Наконец я заметила знакомую фигуру, сидевшую в самом конце, спиной ко мне. Это был Крыс. Мое сердце возликовало, а потом быстро упало. Напротив Крыса сидела миловидная брюнетка, на несколько лет старше меня, с восхищенным выражением лица она следила за его речью.

Я смотрела на него, как на привидение. Как это возможно? Я бесконечно думала о нем и мечтала. Сначала я представляла себе, как он сражается. Когда от него перестали приходить письма, я представляла его мертвым или раненым. Но вот он здесь, сидит в кафе, за чашкой кофе, а рядом с ним другая женщина, как будто ничего и не было. Как будто *между нами* ничего не было. На мгновение я почувствовала облегчение, даже обрадовалась, увидев его здесь в безопасности. Но когда реальность происходящего обрушилась на меня, я вскипела от гнева. Я прошла через кафе. Затем остановилась, на мгновение запнувшись, не зная, что сказать. Женщина рядом с Крысом заметила мое приближение и смутилась. Крыс обернулся, и наши глаза встретились. Казалось, все кафе замерло. Крыс что-то прошептал спутнице, затем встал и направился ко мне. Я двинулась к выходу с чувством, что не хватает воздуха. Я собиралась уйти.

Крыс побежал за мной.

– Элла, стой! – Я порывалась убежать, но он со своими длинными ногами быстро догнал меня, потянувшись ко мне до того, как я смогла увернуться. Его теплые пальцы обхватили мое предплечье, остановив меня уверенной и мягкой манерой. Его прикосновение наполнило мое сердце и вновь разбило его. Я подняла на него глаза, преисполненная гнева, радости и боли. Оказавшись вблизи, я хотела потянуться к нему, положить ему голову на грудь и заставить весь мир остановиться, как раньше. Через его плечо я увидела

его спутницу, вопросительно смотревшую на нас сквозь окно кафе. Мои теплые чувства угасли.

– Элла, – снова произнес Крыс. Он наклонился ко мне. Но его поцелуй, предназначенный для щеки, совсем не походил на наши страстные объятия последнего свидания. Я отстранилась. Уловив знакомый запах его тела, я погрузилась в пучину болезненных воспоминаний. Час назад мужчина, которого я любила, все еще был в моих воспоминаниях. Но теперь он стоял передо мной – живой, но чужой.

– Когда ты вернулся? – задала я вопрос.

– Всего несколько дней назад. – Я задумалась, правда ли это. Две недели назад, сказал его отец. Крыс никогда не лгал, но я не предполагала, что он скроет от меня свое возвращение. – Я собирался встретиться с тобой, – добавил он.

– После твоего свидания в кафе? – огрызнулась я.

– Все совсем не так. Я хочу объяснить, но не могу это сделать здесь. Встретишься со мной позже?

– Зачем? Между нами все кончено, не так ли?

Он снова посмотрел мне в глаза, не в силах соврать.

– Верно. Это не то, что ты думаешь, но это правда. Мне жаль, но мы не можем больше быть вместе. Я говорил тебе об этом еще до войны.

Он говорил, молча признала я. Я вспомнила наш последний разговор до того, как он ушел на фронт. Я была как никогда уверена, что мы должны быть вместе, но он отстранялся. Но тогда я не хотела этого слышать.

– Поверь, прошу, я никогда бы не причинил тебе боли. – Его глаза умоляюще смотрели на меня. – Это к лучшему.

Как он мог такое сказать? Я собиралась поспорить с ним. Я хотела напомнить ему обо всем, чем мы были друг для друга, обо всем, что сейчас происходит между нами. Но моя гордость восстала и помешала. Я бы не стала умолять кого-то, кто больше не хотел быть со мной.

– Тогда прощай, – стараясь не выдать дрожи в голосе, бросила я.

Не сказав больше ничего, я повернулась и пошла прочь, чуть не столкнувшись с мужчиной, выгружавшим ящики из повозки, запряженной лошадьми.

– Элла, стой! – звал Крыс, но я продолжала бежать, стараясь скрыться от боли, вызванной появлением Крыса, и осознанием того, что нам не быть вместе.

Когда я пробежала несколько кварталов, то повернула назад, втайне надеясь, что он последовал за мной. Но он этого не сделал. Я шла, теперь уже медленнее, дав волю слезам. Моим отношениям конец. Мое будущее умерло. Я не понимала этого. Когда я смотрела Крысу в глаза, я чувствовала то же самое, что и всегда. Но он уставился на меня своим каменным взглядом, будто мы были чужаками. Как он мог забыть? Даже когда я гневно думала о нем, теплые воспоминания затмевали мой разум. Война началась – и возникло ощущение, что-то вроде отчаяния, ощущение, что каждое наше свидание может оказаться последним. Это чувство

опьяняло меня, я ощущала себя живой. Но и вела себя так, как не повела бы в других обстоятельствах. Я переспала с Крысом всего один раз, до того, как он ушел, вместо того, чтобы подождать до нашей свадьбы или помолвки – отчаянной попытки продлить отношения чуть дольше. Я считала, что для него это значит так же много, как и для меня. Теперь он бросил меня навсегда.

Несколько минут спустя я подняла глаза и увидела свое отражение в витрине мясной лавки. Опухшие и красные от слез глаза, одутловатое лицо. Жалкая, ругала я себя, вытирая слезы. И все же я не могла перестать думать о Крысе. Я представила, как он возвращается к женщине в кафе и продолжает беседу как ни в чем не бывало. Кто она? Встретил ли он ее там, пока отсутствовал? Несмотря ни на что, я знала, что Крыс – человек благородный, и не могла представить, что она была в его жизни, пока мы были вместе. Но теперь он казался чужим и эпизод между тем, когда ушел на войну, и тем, что было сейчас, словно виднелся за запотевшим стеклом, скрытым от посторонних глаз. Я решила, что не могу оставаться в Кракове. Здесь у меня больше нет будущего. Краков был самым маленьким крупным городом, так часто шутили мы с друзьями. Мы бы вечно сталкивались друг с другом. Я бы все равно видела Крыса, и даже если бы не видела, город все равно был бы отравлен болезненными воспоминаниями. Париж, внезапно вспомнила я, когда в моем сознании вспыхнуло лицо брата. В своих письмах Мачей не

раз уговаривал меня приехать к нему. Я бы переписала письмо, попросила бы прислать за мной поскорее. Война может все усложнить, даже сделать невозможным, но я знала, что Мачей попытается. Я достала из корзинки письмо, которое собиралась отправить ему по почте, и выбросила в ближайшую мусорную корзину. Напишу другое позже.

Я посмотрела на небо. Солнце стояло уже высоко, обозначая почти полдень, а я все еще ничего не сделала, чтобы достать вишни для Ханны. Я направилась в сторону Дебницкого рынка, главной рыночной площади города, где по субботам на простых деревянных прилавках торговцы выставляли товары на продажу. Оказавшись на рынке, я удивилась тому, что он все еще открыт – после многих лет нормирования и лишений там почти ничего не продавалось. Не было мяса, почти не было хлеба, а то немногое, что продавалось, уже подгнивало. Заключение в свой мир привилегий и покровительства, я не часто сталкивалась с трудностями, которые в военное время переживали рядовые жители. Теперь, когда я видела, как местные жители снуют между прилавками, рассматривая, что есть, и могут ли они себе это позволить, наши различия сильно бросались в глаза. Покупатели были тощими, с впалыми щеками. Казалось, они не удивились отсутствию еды, которую можно купить, а скорее взяли то, что могли достать, и ушли со своими корзинами и сумками, в основном пустыми.

Я подошла к ближайшему продавцу, оглядела скудный ас-

сортимент прилавка. В основном картофель и немного гниющей капусты.

– У вас есть сушеная или консервированная вишня? – спросила я, уже заранее зная ответ. В начале лета за городом на деревьях в изобилии росли вишни. Если прошлогодний урожай собрали и обработали, то его должно хватить. Но немцы лишили Польшу многих природных богатств, от урожая до крупного рогатого скота и овец. Разумеется, они забрали и вишню. Тем не менее я спросила у него, есть ли у него что-нибудь, что не выставлено на продажу, с чем он мог бы расстаться за определенную цену. Отчасти я хотела, чтобы продавец сказал мне, что вишни нет, чтобы Анна-Люсия не смогла приготовить свое особое угощение для немца. Но это просто подарило бы мачехе очередную возможность упрекнуть меня.

Он помотал головой, кепка покачнулась над его лицом с глубокими бороздами морщин.

– И не будет еще несколько месяцев, – процедил он сквозь прокуренные зубы. Я досадовала, что проделала такой путь напрасно и Ханна ошиблась. Продавец смотрел с сожалением, что упустил покупателя. Я машинально указала на букет хризантем, который он продавал. Его лицо просияло.

– Может, посмотрите на *чарны рынек* за углом, на улице Пулаского, – добавил он, взяв ярко-красные цветы и завернув их в свежую коричневую бумагу. Он протянул мне букет, и я положила монету в его загрубевшую ладонь.

Я удивилась, что два рынка находятся так близко друг к другу. Но завернув за угол, обнаружила, что место, куда он меня отправил, было не постоянным рынком, а скорее узким переулком, вытянувшимся позади костела, где толпилось около дюжины человек. Тогда я все поняла. *Чарны рынек* означал черный рынок, нелегальное место, где люди продавали запрещенные или дефицитные товары по более высокой цене. Я слышала о таких местах, но не была на них до сегодняшнего дня. У некоторых продавцов не было прилавков, и они раскладывали товар на расстеленных на земле старых одеялах или брезенте, которые можно было поднять одним махом, если нужно убежать от полиции. Там было намешано все – от труднодоступных продуктов, таких как шоколад и сыр, до контрабандного радио и антикварного ружья, такого старого, что я задавалась вопросом, правда ли оно стреляет.

Я подумывала о том, чтобы вернуться обратно. Черный рынок был запрещен, и за покупку и продажу на нем могли арестовать. Но я видела продавца фруктов на полпути вниз по переулку, у которого было гораздо больше продуктов, чем на всем Дебницком рынке. Я пошла вперед. Здесь были сушеные вишни, по крайней мере, какое-то количество лежало на грязном брезенте. Я взяла все без остатка и заплатила беззубому продавцу большую часть оставшихся монет, которые дала мне мачеха. Я сунула одну из вишен в рот, чтобы оценить товар, стараясь не думать о грязных ногтях продавца, который только что мне их вручил. От кисловатой сла-

дости защекотало в челюсти. По дороге я рассосала ее до косточки, а затем выплюнула в ближайшую канализационную решетку. Я перешагнула через решетку, стараясь не зацепиться каблуком. Снизу донесся шорох, он меня сильно напугал. Я вздрогнула. Наверное, просто крыса, сказала я себе, вроде тех, что выходят ночью поживиться тем, что найдут. Но сейчас был день, и я не ожидала, что мерзкие грызуны окажутся поблизости. Шорох внизу повторился, слишком громкий для крысы. Я посмотрела вниз. Два глаза смотрели на меня. Это были не глаза-бусинки животного, а темные круги, окруженные белым. Человек. В канализации был человек. Не просто человек – девушка. Сначала я подумала, что мне померещилось. Я моргнула, чтобы взгляд стал яснее, ожидая, что видение исчезнет, как какой-то мираж. Но когда я посмотрела снова, девушка все еще была там. Тошная, грязная, мокрая, она смотрела вверх. Она отступила немного, опасаясь быть замеченной, но я все еще могла разглядеть ее глаза в темноте, ищущие. Наблюдающие за мной.

Я собиралась громко выдать ее присутствие. Однако что-то остановило меня, словно кулак, который сжал горло, заставляя замолчать, не издавать ни звука. Что бы ни заставило ее отправиться в это ужасное место, это значило, что она не хотела, чтобы ее нашли. Я не должна, не могла ничего говорить. Я хватала ртом воздух, желая, чтобы напряжение ослабло. Затем огляделась, не заметил ли меня кто-нибудь еще, не увидел ли то, что я видела. Остальные прохожие без-

заботно продолжали свой путь. Я снова обернулась, гадая, кем была эта девушка и как она оказалась там, внизу.

Когда я снова заглянула в канализацию, ее уже не было.

Сэди

Мы вернулись в нашу квартиру на улице Мейзельса, Папа кружил маму по кухне под дрожащую музыку пианино, доносившуюся из-под пола, будто это был один из блистательных бальных залов Вены. Закончив танец, мама, затаив дыхание, позвала меня к столу, где остывала свежееиспеченная сладкая *бабка*. Я взяла нож и разрежала влажное тесто. Внезапно под ногами раздался грохот и треснул пол. Папа потянулся через стол, его рука выскользнула из моей. Земля разверзлась, я вскрикнула, и мы провалились вниз, в канализацию.

– Сэделе, – чей-то голос пробудил меня ото сна. – Ты должна вести себя тихо. – Это была мама, мягко, но строго напомнив мне, что не нужно кричать во сне. Мы должны сидеть тихо.

Я открыла глаза и оглядела сырую, зловонную комнату. Кошмар с падением в канализацию оказался реальностью. Но моего отца нигде не было.

Папа. Его лицо возникло в моем сознании, как во сне. Он казался таким близким, но теперь, проснувшись, я никак не

могла до него дотянуться. Даже спустя месяц после его смерти эта утрата причиняла постоянную боль. Нож вонзался в сердце каждый раз, когда я просыпалась и понимала, что он мертв. Я снова закрыла глаза, желая погрузиться в сон о нашем доме и отце. Но он ускользнул за пределы досягаемости. Вместо этого я представила, как папа лежит рядом со мной и до меня доносится его храп, на который я раньше жаловалась. Мать подбодрила меня объятием, затем встала и прошла через комнату к импровизированной кухне в углу, чтобы помочь Баббе Розенберг почистить бобы. Хотя комната оставалась в полумраке, по звукам на улице наверху я заключила, что рассвело.

Несколько дней, говорила мама. Не долгие недели. Прошло уже больше месяца. Я и вообразить не могла, что так надолго останусь в канализации. Но идти было просто некуда. Гетто было разорено, все жившие там евреи убиты или отправлены в лагеря. Окажись мы на улице, нас бы пристрелили на месте или арестовали. Канализация, тянувшаяся через весь город, заканчивалась у Вислы, но выход охраняли вооруженные немецкие солдаты. Я была уверена, что папа не хотел, чтобы мы оставались и жили вот так, в канализации. Но план нашего побега он унес с собой в могилу. Мы были в буквальном смысле заперты.

Я выглянула из угла, где мы спали. Мы заняли одну сторону комнаты, Розенберги – другую, оставив пространство между ними для самодельной кухни. Пан Розенберг сидел в

другом конце и читал. Я огляделась в поисках Сола, но не нашла его.

Я села на кровать – деревянные доски в нескольких сантиметрах над землей, мои кости ныли, словно напоминая о болях, на которые жаловалась бабушка. Я с тоской подумала о стеганом одеяле из гагачьего пуха, некогда покрывавшем мою кровать в нашей квартире, совсем не то что тонкий лоскут мешковины, который раздобыла здесь мама. Я потянулась за ботинками, что стояли у кровати. Как и в первый наш день в канализации, мама настаивала, чтобы мы держали ноги сухими, наказав мне менять две пары носков ежедневно. Я начала понимать, почему: у других, кто был менее осторожен, от грязной воды, что просачивалась через обувь, развились язвы и появились инфекции и боли.

Зачерпнув немного чистой воды из ведра, я прополоскала зубы, мечтая о щепотке соды, чтобы сделать их чище. Затем подошла к маме, она готовила завтрак. Когда Павел оставил нас, на следующий день остальные уселись вокруг, словно ожидая, что он придет и заберет нас. Но мама принялась обживать комнату насколько это было вообще возможно. Будто, несмотря на ее обещание, что это займет пару дней, она знала, что мы пробуем здесь гораздо дольше.

Мама чмокнула меня в макушку. За недели, проведенные в канализации, мы сблизились. Я всегда была папиной дочкой, «маленький Михал» – поддразнивала меня мама, имея в виду наше сходство с отцом. Но теперь нас осталось только

двое. Она пригладила мои волосы. Каждую ночь в канализации она расчесывала меня и себя.

– Мы должны выглядеть прилично, – решительно говорила она, и блеск в ее глазах выражал надежду на ту жизнь, которой мы потом заживем. Я с детства была сорванцом и сопротивлялась тому, чтобы опрятно выглядеть и следить за собой. Но здесь я не протестовала. Несмотря на все ее старания, за чистоту приходилось постоянно бороться. Одежда и волосы пачкались так сильно, что было невыносимо даже мне. К счастью, у нас не было зеркала.

Когда она отодвинулась от меня, ее сильно округлившийся живот коснулся моей руки. Я представила себе ребенка (все еще воображаемого, чтобы назвать его братом или сестрой), который родится без отца и никогда не узнает, каким замечательным человеком он был.

– Почитаем после завтрака, – решила мама, имея в виду школьные уроки, она давала мне их каждое утро. Она старалась поддерживать определенный порядок в нашей здешней жизни: завтрак, потом уборка и уроки на маленькой доске, принесенной Павлом, будто я до сих пор была ребенком, а не девятнадцатилетней девушкой. Однако днем мы подолгу дремали, пытаясь скоротать день.

Этим утром на завтрак была порция овса, меньше, чем обычно, потому что мы ждали Павла. Он приходил два раза в неделю с запасом еды. Мама разделила еду поровну на пять порций, три для Розенбергов и две для нас. Баббе подошла,

молча собрала их миски и ушла в свой угол. У Розенбергов тоже был свой распорядок дня, который, казалось, вращался вокруг ежедневной молитвы.

Каждую пятницу по вечерам Розенберг приглашали нас на Шаббат. Баббе зажигала два огарка свечи и передавала по кругу немного вина в чашке для киддуша, ее они пронесли контрабандой. Сначала я думала, что их традиции – это упрямство, если даже не глупость. Но потом я осознала, что ритуалы поддерживают их, придают порядок и смысл, как мамина рутина, только более значимая. Я поймала себя на мысли, что жалею, что не воспитана в традициях и не могу отмечать эти дни. Они даже соорудили импровизированную мезузу в дверном проеме, чтобы обозначить комнату как еврейский дом. Сначала Павел возражал:

– Если кто-нибудь увидит, вас найдут.

Но правда заключалась в том, что если бы кто-то подобрался близко и обнаружил нашу дверь, нам бы все равно настал конец, спрятаться было просто негде. Шел апрель, и уже через несколько дней наступит Песах. Я задумалась, как Розенберги будут держать пост и не есть хлеб и квашеные продукты, когда это единственное, что мог достать Павел.

Я потянулась к выступу над плитой, нащупывая кусок хлеба, припрятанный со вчерашнего завтрака – хотела добавить к нашему скудному рациону. Вначале я прятала еду под кроватью, но когда я попыталась достать ее, что-то вцепилось зубами в мою руку. Я отдернула руку и заглянула вниз, под

кровать. Показались глаза-бусинки. С полным брюхом, на меня вызывающе смотрела крыса. Больше внизу я никогда ничего не оставляла.

Я протянула хлеб матери.

– Я не голодна, – солгала я. Хотя у меня заурчало в животе, я понимала, что моя тонкая, словно бумажный лист, беременная мама нуждалась в еде. Я следила за ее лицом, уверенная, что она никогда мне не поверит. Но она взяла хлеб, откусила кусочек, а остальное вернула мне. В последнее время, кажется, она утратила интерес к еде.

– Для малыша, – настояла я, поднося хлеб к ее губам и уговаривая откусить еще кусочек. Теперь, когда папы не стало, ответственность за заботу о матери лежала на мне. Она – единственная, кто у меня остался.

Маму вырвало, и она выплюнула откушенный кусочек на мою ладонь. Она помотала головой. Беременность давалась ей нелегко, даже до канализации.

– Ты сожалеешь? – спросила я. – Я имею в виду, еще один ребенок...

Вопрос прозвучал неловко, и я думала, что она рассердится.

Но она улыбнулась.

– Конечно нет. Хотела бы я, чтобы он или она родились в других обстоятельствах? Конечно. Но этот ребенок – частичка твоего отца, как и ты, большая его часть, которая живет.

– Это скоро закончится, – предположила я, успокаивая ее,

что беременность, отягощавшая ее тело, закончится через несколько месяцев. Но эти слова только омрачили мамино лицо. Я считала, что мама хочет расстаться с огромным животом, он выглядел так неудобно. – В чем дело? – спросила я.

– В моей утробе, – объяснила она, – я могу защитить ребенка.

Но здесь, снаружи, она не могла. Я вздрогнула. Отчасти я тоже хотела оказаться внутри.

– Когда-нибудь, когда у тебя будут дети, ты поймешь, – добавила мама.

Хотя я понимала, что она не хотела меня обидеть, эти слова немного задели.

– Если бы не война, я могла бы прямо сейчас завести собственную семью, – заметила я.

Не то чтобы мне не терпелось выйти замуж. Напротив, я всегда мечтала поступить в институт и стать врачом. Муж и дети только помешали бы мне. Но война загнала нас в ловушку, сначала в гетто, а теперь сюда, оставив кочевать на земле между детством и взрослой жизнью. А я стремилась к самостоятельности.

– Ох, Сэделе, наступит еще твое время, – ответила мама. – Не торопи события, даже здесь.

У входа раздался грохот, за ним последовал плеск, стук тяжелых ботинок, идущих по воде. Все моментально повскакивали, готовясь к худшему. Когда вошел Павел с сумкой еды, мы снова расслабились.

– Привет! – радостно поздоровался он, словно встретил нас на улице. Он навещал нас два раза в неделю в базарные дни, по вторникам и субботам.

– *Джень добры*, – ответила я, искренне радуясь его приходу. Еще недавно мы гадали, вернется ли Павел вообще, потому что у мамы закончились деньги.

Каждую неделю мама платила Павлу за еду, которую он принесет нам в следующий раз. Однако несколько недель назад я обнаружила, что она что-то ищет в сумке.

– Что случилось? – спросила я.

– Денег больше нет. Нам нечем заплатить Павлу. – Ее прямота меня удивила. Обычно она оберегала меня от трудностей, словно малыша, а не девятнадцатилетнюю девушку. Вскоре я поняла, почему она мне все рассказала. – Мы должны отдать ему кулон, – объяснила она. – Чтобы он мог обменять его на деньги или переплавить золото.

– Ни за что! – Моя рука сама потянулась к шее. Цепочка с кулоном была последней памятью об отце, последней связью с ним. Я бы скорее умерла с голоду.

Я быстро поняла, что это детские капризы. Папа в мгновение ока обменял бы кулон, чтобы накормить нас. Я потянулась к шее, расстегнула застежку и вложила в мамину руку.

Когда пришел Павел, она протянула ему кулон

– Прошу вас, возьмите за еду.

Но Павел отказался.

– Это принадлежало вашему мужу.

– У меня больше ничего нет, – наконец призналась ему она. Павел несколько секунд смотрел на нее, переваривая новость. Затем повернулся и ушел.

– Зачем ты ему это сказала? – спросила Баббе. Похоже, у Розенбергов тоже не было денег.

– Потому что отсутствие денег скрыть невозможно, – отрезала мама, возвращая мне кулон. Я снова застегнула его на шее. Каждую ночь я лежала, не в силах заснуть из-за урчащего живота, беспокоясь, что он ушел навсегда.

В следующую субботу после того, как мама сказала Павлу, что у нас нет денег, он не появился как обычно. Прошел час, потом другой, Розенберги заканчивали свои субботние молитвы.

– Он не придет, – заявила Баббе. Она не была злой, просто ворчливая старуха, которая не утруждала себя держать язык за зубами, не боялась задеть чувства других, полагая, что все вокруг дураки. – Мы все умрем с голоду.

Эта мысль вселяла в меня ужас.

Но Павел пришел, хотя и поздно, но с едой. С тех пор больше никто не заводил речи о деньгах. Мы были его ответственностью, и он не бросил нас, а каким-то образом продолжал добывать еду. Теперь он передал сумку маме, и она распаковала ее, положив хлеб и другие продукты в корзину, которую умудрилась подвесить к потолку комнаты, чтобы держать еду сухой, подальше от крыс.

– Извините, что опоздал, – сокрушался он, как курьер, ко-

торого ждали из магазина. – Мне пришлось пойти на другой рынок, чтобы купить достаточно еды. – Накормить нас всех с ограниченным запасом продовольствия и нехваткой продовольственных карточек было постоянной проблемой Павла. Ему приходилось перебираться с рынка на рынок через весь город, покупая понемногу, чтобы не привлекать внимания. – Мне жаль, что большего достать не вышло.

– Это замечательно, – быстро проговорила мама. – Мы так благодарны.

До войны Павел был рядовым уличным рабочим, едва ли заметным. Здесь он был нашим спасителем. Но когда она вытащила из сумки буханку хлеба и несколько картофелин, я увидела, как она прикидывает, как их растянуть, чтобы накормить столько ртов до следующего прихода Павла.

Иногда Павел немного задерживался, чтобы поговорить с нами и поделиться новостями. Но сегодня он быстро ушел, сказав, что слишком много времени провел на рынке и ему нужно домой. Его визиты напоминали вспышки света в наши темные, унылые дни, и я сожалела, что он уходит.

– Нам нужна вода, – сказала мама, когда Павел снова ушел.

– Я пойду, – вызвалась я, хотя была не моя очередь. Мне не терпелось вырваться из слишком тесной комнаты хотя бы на несколько минут. До войны я всегда двигалась. *Шпилькес*, называла меня бабушка на идише, и та нежность в голосе, с которой она подчеркивала мою подвижность, звучала как

комплимент, хотя, конечно, это было совсем не так. Ребенком я любила играть на свежем воздухе со своими друзьями, гоняясь за бродячими собаками на улице. Повзрослев, свою энергию я растрачивала на прогулки по городу, искала новые уголки для исследования. Здесь я была вынуждена сидеть и ничего не делать. От недостатка движения ноги часто болели.

Я думала, мама откажет мне. Она запретила мне выходить из комнаты без крайней необходимости, опасаясь, что узкие проходы за этими стенами навлекут на меня неминуемую гибель, как на папу.

– Я могу пойти, – настаивала я. Мне были необходимо личное пространство и уединение, несколько минут вдали от пристальных взглядов остальных.

– Захвати с собой и мусор, – рассеянно ответила мама, к моему удивлению. Она подняла небольшой мешочек, который предстояло утопить в русле реки камнями. Мне всегда казалось странным, что нельзя оставить мусор в канализации. Но следов нашего пребывания не должно оставаться.

Выйдя из комнаты, я печально посмотрела в туннель в том направлении, куда утекала вода от нашей комнаты. Я отчаянно хотела удрать из канализации, ежедневно представляя в фантазиях наш побег. Разумеется, маму я бы не бросила. И правда заключалась в том, что как бы ужасно ни было внизу, наверху все было в миллион раз хуже. Мы не раз с содроганием слышали, как с улиц раздавались крики, а затем вы-

стрелы, после которых наступала тишина. Рука смерти была занесена над нами, мы жили, ожидая, когда нас схватят. Не хотелось оказаться в ловушке под землей – и все же все зависело от нас.

Дальше по туннелю я слышала шум. Я машинально отпрыгнула назад. За все время, пока мы были здесь, ни эсесовцы, ни полиция не заходили в канализацию, но угроза, что нас обнаружат, постоянно существовала. Я прислушалась, не раздадутся ли приближающие шаги, и, не услышав их, снова рискнула войти в туннель. Когда я дошла до поворота, я заметила Сола. Он сидел, скорчившись на земле.

Я подошла ближе. Когда мы впервые пришли в канализацию, меня заинтересовал Сол. Из всех он был единственным моим ровесником, и я надеялась, что мы сможем подружиться. Поначалу он вел себя сдержанно. Хотя он был мягким и добрым, он почти не разговаривал и часто утыкался в книгу. Я не винила его – как и я, он не хотел оказаться здесь.

– Это его религия, – однажды шепнула мне мама, став свидетелем моей неудачной попытки поговорить с ним. – У верующих евреев мальчики и девочки держатся порознь.

Но недели в канализации проходили, и он становился немного дружелюбнее и, когда представлялся подходящий момент, вставлял пару слов в разговор. Не раз он окидывал комнату своим добрым, притягательным взглядом и улыбался мне, будто сочувствуя нелепому ужасу нашей ситуации.

Сола часто не было в комнате, я несколько раз просыпа-

лась ночью и не находила его. Пару недель назад, увидев, как он крадется, я пошла за ним.

– Куда ты идешь? – спросила я.

Я думала, мой вопрос его разозлит.

– Просто исследую, – ответил он как ни в чем не бывало. – Идем со мной, если хочешь.

Меня удивило его приглашение. Он направился вниз по туннелю, не дожидаясь моего согласия. Сол торопливо шел впереди меня, и я изо всех сил старалась не отставать, когда он сворачивал то в одну, то в другую сторону, проходя по извилистой дороге через туннели, в которых я никогда не была. Даже если бы я захотела, я бы сама не смогла найти путь назад. Вода замедлилась до тонкой струйки, и воцарилась какая-то жуткая тишина, пока мы шли по трубам. Наконец мы добрались до приподнятого алькова, пристройки, еще меньше нашей. Сол неловко подтолкнул меня, чтобы помочь забраться в пространство, где умещались только мы вдвоем. Лунный свет струился сквозь широкую решетку, освещая альков. Здесь было высоко и близко к выходу на улицу. Приходить сюда при дневном свете было бы невероятно опасно. Сол сунул руку в выемку в стене, пошарил в ней. Я с любопытством смотрела, что он там спрятал. Он вытащил книгу.

– Ты здесь не впервые, – заметила я.

– Да, – смущенно признался он, будто я раскрыла секрет. – Иногда я не могу заснуть. Поэтому я прихожу сюда почитать,

когда достаточно лунного света.

Он выудил вторую книгу, *«Огнем и мечом»*, и протянул ее мне. Это был исторический роман о Польше, не та книга, которую я бы прочитала по доброй воле. Однако в этих обстоятельствах она была сродни золоту. Мы опустились на пол и сели рядом, читая в тишине, наши плечи оказались в нескольких сантиметрах друг от друга.

После этого еще несколько ночей я ходила в альков с Солом. Я не знала, не тяготится ли он моей компанией, но он не возражал и не жаловался. В основном мы читали, но в пасмурные дни и когда луна опускалась слишком низко, не освещая комнату, мы разговаривали. Я узнала, что семья Сола была из Бедзина, маленькой деревушки на западе от Катовице. Сол и его отец решили бежать в Краков с началом оккупации, надеясь, что здесь будет лучше. Но старший брат Сола Михей, раввин, остался, чтобы не бросать живших в деревне евреев, и был вынужден поселиться в небольшом гетто, организованном немцами в Бедзине.

У Сола была невеста.

– Ее зовут Шифра. Мы поженимся после войны, когда у нас с отцом появилась возможность выбраться. Я умолял ее отправиться со мной. Но ее мать серьезно болела и не могла двигаться, и она отказалась покинуть свою семью. После нашего отъезда из письма Мики я узнала что ее тоже загнали в гетто. Я не получал от нее вестей довольно долго, но могу только надеяться... – Он замолчал. Услышав теплоту в его

голосе, когда он говорил о Шифре, я почувствовала неожиданый укол ревности. Я представила себе красивую женщину с длинными темными волосами. Одну из его ровесниц. Мы с Солом подружились, и я не имела права ожидать большего. В этот момент я поняла, что очень привязана к нему и мои чувства не взаимны.

В своей деревне Сол выучился на портного. Но он хотел быть писателем и рассказывал мне истории, написанные по памяти, его глаза плясали под черной шляпой. Мне нравилось слушать все его планы о книгах, которые он хотел опубликовать после войны. Хотя когда-то я собиралась изучать медицину, я давно отбросила эту затею. Я не понимала, как люди вроде нас могут мечтать о большем, особенно сейчас. Сол стал самым близким другом, которого я обрела в канализации. Но теперь, когда я увидела его на земле, сидевшего у стены туннеля, он не улыбался. Его лицо было мрачным, глаза печальными.

– Привет, – рискнула я, подходя к нему. Я удивилась, обнаружив его здесь; он и его семья редко покидали комнату по субботам. Он не ответил. – Что случилось?

Он поднял ногу, и вблизи под закатанной манжетой я увидела глубокую рану на тыльной стороне, из нее сочилась кровь.

– Я шел и натолкнулся на что-то острое, оно торчало из стены туннеля, и я поранился, – объяснил он.

– Я тоже поранилась, когда мы только здесь оказались.

Правда, не так глубоко. Подожди здесь, – велела я. Помчавшись обратно в комнату, я схватила мамину сумку с мазью и сразу убежала, пока она меня не заметила. Вернувшись к Солу, я открыла один из тюбиков и выдавали немного мази. Затем опустилась на колени и потянулась к его ноге, но он отпрянул.

– Ты же не хочешь, чтобы попала инфекция, – сказала я.

– Я могу и сам это сделать, – настойчиво сказал он, но рана была на задней части его икры, и ее было трудно разглядеть. Я понимала его сомнения. Религиозный еврей, он не имел права прикасаться к женщинам не из своей семьи.

– Ты не сможешь увидеть это место и дотянуться до него, – объяснила я.

– Я справлюсь, – не соглашался он.

– По крайней мере, позволь мне показать тебе, чтобы ты нашел рану. – Он неловко потянулся с мазью к ноге. – Немного правее, – указала я. – Вотри еще немного. – Он попытался наложить повязку на рану, но один из концов соскользнул. Прежде чем он успел возразить, я подхватила ее, вернула ее на место и замотала, затем поспешно отдернула руку.

Он отстранился.

– Спасибо, – ответил он, явно взволнованный. Он осмотрел повязку, прежде чем закатать штанину. – Ты молодец!

– Я хочу стать врачом, – выпалила я, мгновенно смутившись. Мысль казалась грандиозной и глупой.

Но Сол улыбнулся.

– У тебя все получится. – Уверенность в его голосе напомнила мне о папе, ведь он тоже ждал от меня большого будущего, сродни моим мечтам. Внутри сразу потеплело.

– Тебе не нужно это носить, – сказал Сол, указывая на папин кулон с *чаем* на шее, который звякнул, когда я встала.

– Ха! Кто бы говорил! – Как мог кто-то, кто носил кипу и цицит, чья семья повесила на дверь в комнату мезузу, сказать мне, что небезопасно носить простой кулон, указывающий на принадлежность к евреям? Суровая правда заключалась в том, что если нас поймают, у нас появятся проблемы посерьезнее, нежели те, что мы носим.

Он покачал головой.

– Я ношу, потому что того требует моя вера. А ты носишь как драгоценность.

– Как ты можешь так говорить? – ответила я, уязвленная. – Кулон принадлежал моему отцу.

И он значил намного больше, он связывал меня с ним и был последней частичкой надежды. Я отвернулась.

– Сэди, прости меня. Я имел в виду другое. Я не хотел обидеть тебя. Просто я беспокоюсь, – смущенно проговорил он и отвернулся в сторону.

– Я могу сама о себе позаботиться. Я не ребенок.

– Я знаю. – Наши взгляды встретились и на несколько секунд задержались, меня охватил электрический разряд. Он мне нравится, внезапно осознала я. До войны я мало ду-

мала о мальчиках и теперь пришла в замешательство, эта мысль была чуждой и странной, особенно в наших обстоятельствах. Разумеется, это была просто влюбленность. Сола ждала Шифра, а все остальное – плод моего воображения. Я резко отвернулась. Я взяла мешок с мусором, кувшин с водой и пошла по туннелю, возвращаясь к своему исходному заданию. Вода и мусор – поручения, которые выполняли мы с Солом, потому что для этого требовалось пролезть через одну сороковку³

---

³ Труба диаметром 40 дюймов или примерно 100 сантиметров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.